

Часть II

Власов и власовщина: история расставляет оценки

Мультигули Пётр Валентинович, руководитель интернет-сайта «Академия российской истории»

Генерал Власов — история предательства

Личность генерала Власова сама по себе не стоит того, чтобы посвящать ей научные конференции. В истории всех стран встречаются изменники, которые предпочли служить не своей родине, а её внешним врагам. Такие примеры есть и в истории России. В этом смысле Власов ничем не отличается от князя Курбского или гетмана Мазепы. Тем более что сам Власов уже предстал перед Вечным Судией и лишь Ему принадлежит право последнего приговора. Поэтому речь должна идти не столько о прошлом, сколько о настоящем. А сегодня наблюдается очень опасная тенденция возводить измену в добродетель и оправдывать это политической целесообразностью. Под видом неприятия большевизма сегодняшние защитники Власова, по существу, занимаются реабилитацией этого самого большевизма как политического инструмента. (Ленин, как известно, желал поражения своей собственной стране в Первой мировой войне.)

Примечательно, что сегодняшние апологеты Власова одновременно восторгаются декабристами и горячо оправдывают генералов-изменников, предавших Царя в феврале 1917 года.

Но самой кощунственной, самой чудовищной, безусловно, следует назвать попытку реабилитировать предателей времён Великой Отечественной войны — самой тяжёлой и кровавой из всех войн, которые вела Россия за всю её историю. Это не только кощунственно, но и весьма опасно с точки зрения государственных интересов. Не случайно, что презентация уже неоднократно упоминавшейся книги о Георгия Митрофанова, в которой автор возводит Власова в ранг национального героя, состоялась 22 июня 2009 г., а уже 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ приравнивала нашу страну к нацистской Германии. Совпадение? Может быть. Но в любом случае, героизация Власова выгодна сегодня в первую очередь нашим врагам, точно так же, как она была выгодна им 65 лет назад.

Здесь следует отметить, что вся апологетика власовцев наполнена ложью.

Первая ложь — это определение Великой Отечественной войны как войны братоубийственной. Всякие попытки представить её «второй Гражданской войной» оказываются несостоятельными, если проанализировать национальный состав советских коллаборационистов. Заметим, что на службе у нацистской Германии состояло (а не воевало!) 1 млн

200 тыс. советских граждан. Опять-таки заметим — советских граждан, а не только русских. Как мы помним, в состав Советского Союза накануне Великой Отечественной войны вошли государства Прибалтики, которые были нацигизованы прогерманской агентурой. С приходом немцев эта агентура вербовала в эсэсовские части сотни людей, по тем или иным причинам недовольных советской властью. Но ещё больше прибалтов пошли служить в эти части из-за куска хлеба. В то же время сотни тысяч советских граждан из числа латышей, литовцев и эстонцев воевали в рядах Красной армии, а на фронтах Великой Отечественной погибли 21,2 тыс. эстонцев, 11,6 тыс. латышей и 11,6 тыс. литовцев.

Кстати, число прибалтов, воевавших на стороне Рабочее-крестьянской Красной Армии (РККА), превышало число тех, кто воевал на стороне гитлеровской Германии. Что касается последних, о памяти которых так трогательно печётся о. Георгий, то они не воевали с регулярными частями РККА, а убивали мирное население. Особенно эти наймиты преуспели в уничтожении евреев. От преступлений латышских и эстонских эсэсовцев, этих «борцов со сталинским режимом», до сих пор волосы встают дыбом. Какую «боль» и за какую страну испытывали эти негодяи, у которых руки по локоть в крови невинных женщин и детей?

Другие «борцы со сталинским режимом» — украинские самостийники, главным образом с Западной Украины. Их через карательные и воинские части СС и вермахта всего прошло 250 тыс. человек из почти 30-миллионного населения тогдашней УССР! Хотя украинских пособников было ничтожное число по сравнению с общей численностью населения, «подвиги» они совершили немалые, грабя, насилая и убивая ни в чём не повинных людей, а также воюя с партизанами.

Другие пособники Гитлера из числа советских граждан по национальному признаку распределялись следующим образом:

70 тыс. белорусов, 70 тыс. казаков, 70 тыс. представителей народов Средней Азии, 12 тыс. волжских татар, 10 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 20 тыс. грузин, 25 тыс. армян, 30 тыс. выходцев с Северного Кавказа. А великороссов, которые должны были в случае новой гражданской войны составить костяк «борцов с большевизмом», оказывается, было, по самым завышенным оценкам, 310 тыс.

из 99,5 млн. населения РСФСР накануне войны*. Вот, собственно, и почти весь миллион.

Однако здесь опять-таки следует уточнить, что приведённые выше цифры — это общая численность лиц, в той или иной мере сотрудничавших с немцами, в том числе работавших на стройках, расчистке улиц и т. п. Их называли *хиви* от немецкого *хильфсвиллигер* (добровольные помощники), и их численность в конце войны составляла около 700 тыс. человек (из пресловутого миллиона). То есть с оружием в руках в составе германских войск служило всего-навсего 400–450 тыс. советских граждан. Вот вам и гражданская война!

Таким образом, ни о каком противостоянии советского, а тем более русского народа с советской властью в ходе Великой Отечественной войны говорить не приходится. На стороне немцев были либо предатели, либо малодушные и сломленные пленом люди, либо враги существующего строя (и их было абсолютное меньшинство).

Ложь вторая заключается в том, что Власов был убеждённым антикоммунистом. Напротив, он был типичным образцом подлинного коммуниста-троцкиста. Не членом коммунистической партии, в которую в 30–40-е гг. вступало огромное число патриотов, а именно троцкистом с его оппортунизмом, приспособленчеством, жестокостью, вероломством и беспринципностью.

Именно эти качества толкали Власова на постоянную измену. В юношеском возрасте он поступил в духовное училище, а после его окончания — в семинарию в Нижнем Новгороде. Однако учёба была прервана революцией. Власов немедленно бросил семинарию и начал учиться на агронома, а весной 1920 г. пошёл служить в Красную армию.

Власов быстро поднимался по служебной лестнице, командовал ротой, пешей и конной разведкой, служил в штабе на оперативной работе. Его апологеты, в частности Е. Андреева, пытаются нас уверить, что «нет ни малейшего упоминания об участии Власова в коммунистической деятельности». Мы не знаем, что имеет в виду г-жа Андреева под «коммунистической деятельностью» (если участие в слёте юных пионеров, то, конечно, не занимался), но в 1937–1938 гг. Власов был членом военного трибунала Киевского военного округа, который вынес не один смертный приговор, о чём сам генерал в 1940 г. с гордостью писал в своей автобиографии. В парт-характеристике Власова от 1938 г. говорится: «Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части».

Типичными для Власова являются следующие слова из его автобиографии 1940 г.: «Всегда твёрдо стоял на генеральной линии партии, всегда за неё боролся, никаких колебаний не имел».

Любопытно, каким образом Власов оказался во главе 99-й дивизии. Инспектируя её, он выяснил, что

комдив изучал тактику боевых действий вермахта, и сообщил об этом в рапорте. Комдив был арестован, а Власов назначен на его место. Во время командования вверенной ему 99-й стрелковой дивизией Власов проявил жестокое рвение в наведении дисциплины.

К какой же категории коллаборационистов относился генерал Власов? В отличие от других пособников Гитлера, белых генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро, он никакой другой России, кроме как советской, не служил и не присягал. Только советской власти он клялся в верности и преданности. Именно советской властью Власов был награждён и возвышен, а потому действия генерала зимой 1942 г., его готовность сотрудничать с немцами нельзя расценивать иначе, как нарушение присяги.

Так почему же обласканный советской властью генерал перешёл на сторону немцев? Почему именно Власову принадлежит печальная слава «главного предателя»? Почему немцы сразу же, в 1942 г., стали «раскручивать» его как главного оппозиционера сталинскому режиму?

Обычно на эти вопросы дают два ответа: первый — он был трусом, а второй — генерал решил воспользоваться немецкой помощью, чтобы сбросить сталинский режим, но был обманут тупоголовыми нацистами, которые не оценили подарок, который сделала им судьба, послав такого человека, как Власов. Попробуем разобраться.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война стала суровым испытанием для Советского Союза в целом и для Красной армии в частности. Советское руководство не ожидало, что на СССР обрушится удар подобной силы, причём по всей западной границе. Вопреки досужим рассказам РККА была достаточно хорошо вооружена, но вот советский Генштаб был на тот период времени хуже подготовлен и хуже организован, чем германский, и немецкие генералы переиграли советских. Сказалось и уничтожение в России профессиональной армии (не той, которая была подвергнута пресловутым «сталинским чисткам» в 1937–1938 гг., а той русской императорской армии, которая была уничтожена в 1917–1920 гг.). РККА не представляла собой слаженного организма, её командованию не хватало выучки и опыта. Сыграло свою роль отсутствие в Красной армии унтер-офицерского состава. Вермахт же действовал как часы: каждый немецкий солдат, унтер-офицер, офицер и генерал был на своём месте, знал, что ему делать, когда и как.

В результате нанесённого удара взаимодействие советских войск было нарушено, танки зачастую посылались в бой без прикрытия пехоты и наоборот. Удары германских моторизованных частей по стыкам слабо взаимодействовавших между собой соединений советских войск, поддержанные с воздуха, позволяли окружать большие группировки.

* По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

В плену у немцев к январю 1942 г. находилось уже 3 млн. 350 тыс. советских солдат и офицеров.

Естественно, что большинство красноармейцев попали в плен не потому, что стремились перейти на сторону противника по причине ненависти к Сталину. Это хорошо понимали и немецкие генералы. Так, командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот писал: «В германской армии, в отличие от партийных инстанций, не строили никаких иллюзий относительно стремления русского солдата бежать от большевистского режима. Было известно, что армию, особенно офицерский корпус, русские обеспечивали всеми средствами, находившимися в руках государства, хорошим снабжением, высоким жалованьем, освобождением от квартирной платы, возможностью провести отпуск на курорте, клубами, бесплатным проездом по железной дороге».

Численность советских военнопленных говорит об огромных масштабах военной катастрофы, которая поразила Красную армию летом 1941 года. При этом надо помнить, что любая армия — это прежде всего люди. Оказавшись перед лицом смертельной опасности, они ведут себя по-разному. Некоторые готовы исполнить свой воинский долг при любых обстоятельствах даже ценой собственной жизни. Таких в Красной армии 1941 г. было очень много. Другие — откровенные трусы, думающие только о спасении собственной жизни. Они тоже были, но составляли меньшинство. Многие из них стали изменниками и пошли на службу к немцам, и именно о них нынешние скрытые и явные апологеты власовщины пишут как о «борцах со сталинизмом».

Большую же часть военнопленных составляли обыкновенные люди, которые перед лицом страшной стальной машины гитлеровского вермахта просто-напросто растерялись, испугались, были ранены или контужены. Многие из них попадали в плен голодными и больными после долгого блуждания по лесам в надежде выбраться к своим. Ни у кого сегодня не хватит духу осуждать этих людей. К тому же они чаще всего вели себя в плену весьма достойно, пытались бежать и организовывали сопротивление.

А рассказы о том, как целые подразделения Красной армии с оружием в руках переходили на сторону вермахта, — это откровенная ложь.

Кстати, вопреки мифам, будто бы всех вернувшихся из немецкого плена отправляли прямиком в ГУЛАГ, отметим, что из 1 млн. 836,5 тыс. бывших военнопленных было осуждено всего 233,4 тыс. человек.

В ходе победоносной кампании лета 1941 г. немцы захватили и значительное число советских генералов. Назовём лишь некоторых из них: генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов, командир 113-й стрелковой дивизии генерал-

майор Х. Н. Алавердов, командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов, заместитель командира 62-й бомбардировочной авиационной дивизии генерал-майор Г. И. Тхор, командир 19-й армии генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и другие. Большинство держались в плену мужественно, отказываясь сотрудничать с оккупантами. Многие, как, например, Карбышев, Алавердов, Романов, Никитин и Тхор, были зверски убиты. Другие, такие как генералы Музыченко, Снегов, Тонконогов, Скугарев, Абрамидзе и Лукин, были в 1945 г. освобождены советскими войсками, восстановлены в званиях и продолжили военную службу.

Но были и другие. Так, в июне 1941 г. на сторону немцев добровольно перешёл начальник штаба 6-го стрелкового полка 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Б. С. Рихтер. В течение нескольких лет он служил в абвере и возглавлял обучение в школе диверсантов. В августе 1945 г. по приговору военного трибунала Рихтер был расстрелян за измену Родине. После войны по обвинению в измене были расстреляны также генералы Понеделин и Кириллов.

Таким образом, мы видим, что уже в 1941 г. у немцев было достаточно кандидатов на роль главы «антисталинского сопротивления». И тем не менее единственное, что интересовало немцев, так это расположение советских войск, номера дивизий, полков, имена командующих. Даже генерала Рихтера нацисты законспирировали и направили в разведшколу под псевдонимом «Рудаев» в режиме строгой секретности. То есть в тот момент серьёзных попыток использовать пленных генералов в политических целях не предпринималось. И хотя, казалось бы, 1941 г. был наиболее благоприятен для создания антисталинской силы из советских военнопленных, ни одного самостоятельного русского военного формирования создано не было. В тот момент нацисты не нуждались ни в «российском правительстве», ни в «русской армии». Россия должна стать просто колонией Третьего рейха.

Почему же в 1942 г., взяв в плен генерала А. А. Власова, германское командование начало активно рекламировать этого генерала? Сыграла ли свою роль личность Власова или дело было в изменившейся военно-политической обстановке на Восточном фронте?

В конце августа — начале сентября 1942 г. части Гудериана и Клейста обошли Киев с флангов и взяли в кольцо обороняющиеся советские войска. Советское командование 19 сентября приказало 37-й армии отходить, но было поздно: немцы Киев взяли, и частям 37-й армии пришлось вырываться из окружения.

Интересно, что почти весь штаб Юго-Западного фронта погиб в боях за Киев. Власов же с остатками своей армии полтора месяца блуждал по лесам, пока 1 ноября, пройдя 500 км, не вышел к своим в районе Курска, измождённый и больной. Однако позднее генерал А. Н. Сабуров, который в начале войны был офицером НКВД, с уверенностью утверждал, что

Власов перед выходом из вражеского тыла якобы уже побывал в немецком плену и был «отпущен» в обмен на обещание сотрудничать. «Особисты» якобы передали эту информацию начальству, но никакой реакции на неё не последовало, что само по себе в то время было невероятно.

Интересно, что после выхода из окружения Власова вообще не подвергли проверке. Напротив, советское руководство выказывало ему всяческое расположение. В середине ноября 1942 г. Сталин поручил Власову возглавить формирование 20-й армии, которая должна была оборонять Москву. Сам Власов в письме своей жене пишет о своей первой встрече со Сталиным: «Ты не поверишь, дорогая Аня, какая радость у меня в жизни! Я беседовал с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне ещё первый раз в моей жизни».

С этого момента легенды вокруг имени Власова приобретают просто невиданный характер. Если им верить, то Власов, преодолевая болезнь, формирует 20-ю армию, бросает её в бой против танковых частей вермахта без танковой и авиационной поддержки и наголову громит войска генерала Моделя, отбрасывая немцев на 100 км от Москвы. «Такого в истории РККА ещё не было, — восхищается один из апологетов Власова. — Было от чего получить прозвище „спаситель“ Москвы».

Однако все эти восторги ни на чём не основаны. Непосредственного участия ни в формировании, ни в наступлении 20-й армии генерал Власов не принимал: с ноября по декабрь он находился в госпитале. Фактически командующим 20-й армией был его начальник штаба полковник Л. М. Сандалов. Именно под его руководством советские войска освободили Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск. За эти успехи 27 декабря 1941 г. Сандалов получил звание генерала.

Апологеты Власова пытаются нас уверить, что это — позднее искажение фактов и что именно Власов командовал в тот момент 20-й армией. Но факты — вещь упрямая. Имеется ответ на запрос Военного совета 20-й армии, в котором начальник штаба Юго-Западного фронта Бодин сообщает, что командующий Власов сможет прибыть к войскам не ранее 25–26 ноября 1942 г. из-за воспаления среднего уха.

После битвы под Москвой Власов превратился в некую полуполулегендарную фигуру. Почему-то именно к нему потянулась вереница иностранных корреспондентов. 17 декабря 1941 г. генерал дал в штабе своей армии интервью американским журналистам. Француженка Ева Кюри встретила с ним несколькими неделями позже. Заметим, что почти все корреспонденты были американцами. В своих репортажах они писали о полководческом даровании Власова, о его популярности в войсках и т. п. Кроме них хвалу Власову воздавали и отечественные мастера художественного слова. В марте 1942 г. в 20-ю армию выезжал И. Г. Эренбург. В статье «Перед весной», опублико-

ванной 11 марта 1942 г. в «Красной звезде», он писал: «Генерал Власов разговаривает с бойцами. Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением — от Красной Поляны до Лудиной Горы. У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык».

Апологеты Власова приводят смехотворное объяснение такому интересу: мол, генерал был «любимцем Сталина», тот ему доверял, потому и допускал до него иностранцев и Эренбурга. Как будто Сталин не доверял Жукову, Рокоссовскому и тому же Сандалову!

Постоянные славословия вскружили голову и без того крайне честолюбивому и не очень умному военачальнику. В своих письмах жене он хвастливо пишет: «Ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождём. Это, конечно, так не даётся. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и другие города и сёла, а теперь также команду ещё большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

Создаётся впечатление, что за границей явно хотели создать положительный образ Власова. Не вызывает сомнений и то, что «раскручивал» его кто-то из высоких советских кругов. Но кто это мог делать и зачем?

Для того чтобы ответить на это вопрос, нужно вернуться в 1937 год. Тогда летом НКВД объявил о раскрытии заговора военных против Сталина. С лёгкой руки Хрущёва и нынешних «прорабов перестройки» принято считать, что никакого заговора не было, а просто маньяк Сталин расстрелял цвет своей армии накануне войны. На самом деле объективные данные говорят о том, что некий заговор существовал и во главе его стояли маршал М. Н. Тухачевский, комбриг И. Э. Якир, командарм И. П. Уборевич и другие высокопоставленные военные. И в 1937–1938 гг. НКВД арестовало далеко не всех.

Любопытно, что в своё время предшественником Власова на должности советника Чан Кайши в Китае был маршал В. К. Блюхер. Его, как и Власова, китайский генералиссимус очень ценил. В 1929–1938 гг. Блюхер командовал отдельной краснознамённой Дальневосточной армией и по своей должности и влиянию был фактически военным диктатором советского Дальнего Востока. Блюхер и Власов были лично знакомы: об этом говорит тот факт, что до августа 1938 г. в кабинете Власова висел портрет Блюхера с дарственной надписью. Кстати, вполне возможно, что в Китай Власова послали с одной целью — дать ему возможность успешно продвинуться по службе. Так же, как, например, Д. Г. Павлову, которого И. П. Уборевич направил в Испанию исключительно для этого.

Следующей весьма интересной фигурой, с которой соприкасался в своей жизни Власов, был генерал К. А. Мерецков, который близко знал многих главных заговорщиков и начинал свою военную карьеру в штабе Блюхера. В 1937 г., когда заговор был раскрыт, Уборевич, признавшись, что был завербован германской разведкой и Тухачевским, дал показания на Мерецкова. Тот их прочитал и 7 июня 1937 г. написал Сталину и Ворошилову письмо, в котором каялся, что «проглядел германского шпиона Уборевича» и отрицал своё участие в заговоре.

Тогда Мерецкова не тронули, послали воевать с Финляндией и даже представили к званию Героя Советского Союза, а затем назначили начальником Генерального штаба РККА. Однако 23 июня 1941 г. Мерецков был арестован. Следствие полагало, что он и некоторые другие военачальники ведут изменническую деятельность и тайно готовят поражение СССР в войне с нацистской Германией. Этот заговор даже получил кодовое обозначение «Заговор Героев». По делу о «Заговоре Героев» перед войной и в самом её начале были арестованы командующий ВВС МВО генерал-лейтенант авиации П. И. Пумпур, генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник ГУ ВВС КА генерал-лейтенант П. В. Рычагов, командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов и др. Многие из них дали показания на Мерецкова.

В связи с этим особого изучения требует версия существования в среде высшего военного состава РККА остатков оппозиции, члены которой надеялась с началом войны открыть немцам фронт и осуществить в Москве государственный переворот.

В июле 1941 г. арестованный генерал Павлов дал показания против Мерецкова, заявив, что в своих разговорах тот убеждал его в желательности победы Германии над СССР в предстоящей войне. Павлов также показал, что Мерецков сознательно делал всё, чтобы провалить мобилизационный план Советского Союза, что подтверждалось реальными фактами.

Однако судьба была непонятно милостива к Мерецкову. Пройдя через жёсткие допросы и одиночную камеру, полностью признав свою вину, он, тем не менее, был «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка».

Весной 1942 г. Ставка планировала операцию по прорыву к Запорожью, и Сталин отправил Власова на Юго-Западный фронт заместителем командующего. Но вдруг вместо этого его назначили заместителем командующего Волховским фронтом, т. е. заместителем Мерецкова. Кто был инициатором этого переназначения? На этот счёт имеются разные мнения.

Вскоре К. А. Мерецков направил Власова своим представителем во 2-ю ударную армию, которая должна была улучшить положение блокадного Ленинграда. Между тем эта армия находилась в критическом положении, и главная ответственность за это лежала на Мерецкове (как писал сам Мерецков, «я и штаб фронта переоценили возможности собственных

войск»). Именно он загнал 2-ю ударную в немецкий «мешок» и, не наладив снабжения, сообщил в Ставку, что «коммуникации армии восстановлены». Именно Мерецков посоветовал Сталину направить на спасение этой армии Власова (вместо раненого командарма Н. К. Клыкова). 20 марта Власов прибыл на место, чтобы организовать новое наступление. 3 апреля под Любанью это наступление началось и закончилось полным провалом — окружением 2-й ударной армии и сдачей в плен генерала Власова при весьма тёмных обстоятельствах.

Какими мотивами руководствовался Власов, сдаваясь в плен к немцам? Его апологеты стараются уверить, что, блуждая по волховским лесам, видя весь ужас и всю бесполезность гибели своей армии, Власов понял преступную сущность сталинского режима и решил сдаться.

Думается, что весной 1943 г., находясь на службе у немцев, Власов, приводя эти же мотивы своей сдачи в плен, как обычно, лгал. Во всяком случае, доверять словам бывшего командующего нет никаких оснований, так как ещё за два месяца до своего пленения, перед назначением на Волховский фронт, он в письме к жене так описывал свою вторую встречу со Сталиным: «Дорогой и милый Алик! Ты всё же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня ещё раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю, как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН...»

Вторым объяснением сдачи в плен Власова, которое нам предлагают его защитники, является утверждение, что командарм боялся выходить к своим, так как понимал, что Сталин его немедленно расстреляет за погубленную армию. При этом они не останавливаются перед самыми невероятными домыслами. «Его военной карьере, — как пишет Е. Андреева, — без сомнения, пришёл конец, он был командиром 2-й ударной армии, которая была разбита, и вне зависимости от того, на ком лежала ответственность, расплачиваться придётся ему. Другие командиры в подобных ситуациях были расстреляны».

Под «другими командирами» Е. Андреева имеет в виду расстрелянных по делу «Заговора Героев», а также по делу генерала Д. Г. Павлова. Но при этом она ни слова не говорит о том, что подлинной причиной их расстрела были не военные неудачи (многие из них даже не успели принять участия в боевых действиях), а обвинение в измене Родине и сознательном вредительстве в войсках Западного фронта.

Что же касается Власова, то он, по сути, не мог нести ответственность за гибель 2-й ударной. Главная вина за это лежала на Мерецкове или на руководстве Ставкой. Власов не мог не знать, что Сталин совсем не был склонен к расправам над невиновными подчинёнными. Тем более что после окружения под Киевом его не только не расстреляли, но послали командовать

20-й армией. К тому же, находясь в плену, Власов сам хвастливо заявлял, что Сталин послал для его спасения самолёт. Именно для спасения, потому как никаких репрессий к вырвавшимся из окружения применено не было. Например, эвакуированный начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор А. В. Афанасьев был награждён и продолжил службу. Примечательно также, что Сталин очень долго скептически относился и к самому факту предательства Власова. Его проверка шла целый год. В это время приказом по Наркомату обороны СССР от 5 октября 1942 г. Власов был зачислен в пропавшие без вести и числился таковым до 13 апреля 1943 г., когда факт его измены подтвердился.

Третьей причиной, по которой Власов сдался в плен, могли быть его трусость и страх перед смертью. Именно это проходило красной строкой в материалах следствия, и именно малодушием объяснял на суде своё предательство сам Власов. Однако следует признать, что никаких веских причин считать его трусом нет. Напротив, на фронте он не раз демонстрировал презрение к смерти, спокойно находясь в зоне артиллерийского обстрела.

Есть, правда, ещё одна версия. В. И. Филатов полагает, что Власов был тайным сотрудником ГРУ, заброшенным нашей военной разведкой к немцам для предотвращения возможного формирования антисоветского движения. При всей внешней привлекательности этой версии она имеет несколько крупных изъянов, которые делают её невозможной. Прежде всего, заслав Власова к немцам, чтобы контролировать создание антисоветской армии, Сталин заложил бы под свою власть мину замедленного действия. Кто мог гарантировать, что Власов не стал бы играть по немецким правилам? Слишком рискованно было своими руками создавать силу, которая грозила прибавить к войне внешней войну гражданскую. Сталин же авантюристом никогда не был.

Таким образом, версия Филатова представляется полностью несостоятельной. Весьма вероятно, что Власов был действительно направлен к немцам, но теми троцкистами из числа советского партийного и военного руководства, которые надеялись в сговоре с германскими генералами свергнуть Сталина.

Тесные связи немецкого генералитета и РККА имели место ещё до прихода Гитлера к власти. Германский генерал-фельдмаршал, а затем и рейхспрезидент П. фон Гинденбург открыто благоволил командармам И. Э. Якиру и И. П. Уборевичу. Имел самые тесные связи с германскими военными кругами и маршал М. Н. Тухачевский. «Всегда думайте вот о чём, — говорил он германскому военному атташе генералу Кёстрингу в 1933 г., — вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе». Причём многие военачальники Красной армии, находившиеся в доверительных отношениях с германскими генералами, были обвинены в заговоре 1937 года. Тухачевский в своём предсмертном

письме к Сталину, известном как «План поражения в войне», признал существование сговора между советскими и германскими военными.

Немецкие генералы в 1935–1937 гг. преследовали аналогичную цель — свергнуть Гитлера и нацистов. Внутренние противоречия между фюрером и германским генералитетом сохранялись и в 1941 году. Многие из них, включая начальника генштаба Ф. Гальдера, полагали, что дальнейшая война с СССР губительна для Германии, что Гитлер и нацисты ведут страну к катастрофе. Закончить войну с Россией по своему сценарию, а не по сценарию Гитлера — вот каковы были планы части германского генералитета. И сговор с советской военной верхушкой, стремящейся свергнуть Сталина, был для них крайне желателен.

Со своей стороны, заговорщики из числа генералов РККА, вступая в контакт с немцами, могли надеяться, что антисоветская армия из военнопленных под командованием их сообщника Власова сможет коренным образом изменить ход войны.

Обе стороны полагали, что у Гитлера не будет причин продолжать войну в случае прихода к власти нового внешне антисоветского режима. При этом немецкие генералы считали, что заключённый по их сценарию мир будет почётным и победным для Германии и позволит сохранить Россию как подконтрольное Германии, пусть и «суверенное», государство. Такое государство, полагали германские военные, могло бы стать их союзником против Гитлера.

С другой стороны, советские заговорщики могли надеяться, что, заключив мир с Германией, они смогут создать «демократическое» правительство, которое признают США и Англия. Таким образом, «пятая колонна» в СССР, ориентированная на троцкистские круги Запада, ценой расчленения территории страны и заключения мира с его злейшими врагами расчищала себе дорогу к власти. То, что не получилось летом 1937 г., должно было получиться в 1942 или 1943 году. В 1937 г. кандидатом в «диктаторы» был Тухачевский, в 1942 г. им должен был стать Власов.

Конечно, прямых подтверждений этой версии на сегодняшний день нет. Нужно помнить, что все архивы, касающиеся процессов 30–40-х гг., до сих пор засекречены. Но даже по некоторым эпизодически всплывающим документам можно судить о масштабах заговорщической деятельности в рядах РККА. В пользу версии «Власова-заговорщика» свидетельствует также и то, что его главные опекуны из числа германских военных оказались позднее на стороне антигитлеровской оппозиции.

Итак, взятый в плен при весьма странных обстоятельствах командующий 2-й ударной армии генерал-лейтенант А. А. Власов был доставлен в Сиверскую, в штаб 18-й армии, где его немедленно принял её командующий генерал-полковник Г. фон Линдеман. Ему Власов выдал ряд важнейших сведений, составляющих государственную тайну. Затем его направили в лагерь для высокопоставленных советских

военнопленных «Променент» в Виннице, который подчинялся непосредственно главнокомандованию сухопутными силами вермахта. К моменту прибытия Власова в винницком лагере уже содержались пленные советские генералы Понеделин, Потапов, Карбышев, Кириллов, а также сын Сталина Яков Джугашвили. А руководил этим лагерем... американец немецкого происхождения Петерсон. (Потрясающие сведения даёт нам апологет Власова К. Александров. Он пишет, что лагерь в Виннице «находился под фактическим контролем представителей антигитлеровской оппозиции».)

В августе у Власова состоялась встреча с руководством лагеря, представителями германского МИД и разведки. Что примечательно: советник Министерства иностранных дел Г. Хильдер уже на этой встрече обсуждал возможность участия Власова в марионеточном правительстве России, которое должно было официально передать Германии территории Украины и Прибалтики. То есть на эту встречу прибыл высокопоставленный сотрудник МИД Германии, который беседовал с пленным советским генералом в присутствии человека из США!

И вот что интересно: Хильдер беседовал в винницком лагере ещё и с полковым комиссаром И. Я. Кернесом, который добровольно перешёл на сторону немцев в июне 1942 г. на Харьковщине. Попав в плен, тот сообщил, что после разгрома в СССР троцкистско-бухаринского блока и групп Тухачевского, Егорова и Гамарника их остатки объединились в широко разветвлённую организацию, имеющую филиалы как в армии, так и в госучреждениях, а он, Кернес, является членом и посланником этой организации.

Сведения, которые дал немцам Кернес, подтверждали, что в СССР существует антисталинская подпольная организация, стоящая на платформе «продолжения истинного учения Ленина, искажённого Сталиным». Её целями являются свержение Сталина и его правительства, возврат к НЭПу, уничтожение колхозов и ориентация во внешней политике на нацистскую Германию. На вопрос, есть ли представители «организации» в органах НКВД, Кернес ответил, что таковые имеются даже в центральном аппарате, но никого не назвал.

Любопытно и следующее: то, что рассказал Кернес о планах «организации», почти полностью совпадает с «Манифестом Комитета освобождения народов России», подписанным Власовым в ноябре 1944 года.

И хотя представитель МИД Хильдер в своём официальном рапорте усомнился в серьёзности полномочий Кернеса, нетрудно догадаться, что это было сделано для того, чтобы отвлечь от него внимание нацистского руководства, поскольку в планы германского генералитета не входило, чтобы о переговорах с «красными» заговорщиками узнал Гитлер.

Как нетрудно убедиться, с Власовым встречались те же люди, что и с Кернесом. Вполне возможно, что

на встрече они присутствовали вместе. Вполне возможно также, что они знали друг друга: оба воевали на Украине в 1941 году.

После встречи с представителями германского МИД и разведки Власов пишет следующую записку: «Офицерский корпус Советской армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путём может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия? Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединённым Штатам? Главная задача — свержение правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией, в случае если Германия не внесёт ясность в этот вопрос».

Поразительный документ! Советский генерал сидит в немецком плену, который, как известно, курортом не был, и свободно рассуждает о том, к кому должна примкнуть постсталинская Россия — к США, Англии или Германии! В конце Власов милостиво соглашается присоединиться к Германии, но предупреждает, что если последняя будет себя плохо вести, Россия может найти общий язык и с западными союзниками! Представить себе, чтобы нацисты терпели такие выходы от какого-то «унтерменша», пленного коммуниста, можно только в одном случае — если Власов писал свою записку не для нацистов, а для оппозиционных гитлеровскому режиму генералов. Записка эта есть не что иное, как обращение ко всему враждебному СССР Западу, призыв к началу немедленного сотрудничества и декларация готовности выступить против Сталина. Примечательны в связи с этим слова Власова, сказанные им немецкому офицеру русского происхождения и кадровому разведчику капитану В. Штрик-Штрикфельдту: «Мы решились на большую игру».

Тот же Штрик-Штрикфельдт, который курировал Власова, даёт нам представление о сущности этой «большой игры». Он вспоминал, что пленный генерал призывал пойти «по ленинскому пути», т. е. воспользоваться войной, чтобы «освободить народ и страну от большевистского режима». Ведь во время Первой мировой войны Ленин и Троцкий помогли немцам победить Россию, за что получили власть в стране. Почему бы и сейчас во имя свержения Сталина не вступить в соглашение с Гитлером и не купить у Германии мир, отдав ей Прибалтику, Белоруссию и Украину?

«Дадут ли нам, — вопрошал Власов Штрик-Штрикфельда, — возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить своё задание от национального

русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны. Эта идея — политическая свобода и права человека. Вспомним о великих борцах за свободу в США — о Джордже Вашингтоне и Вениамине ФранкLINE. В нашем случае, только если мы поставим общечеловеческие ценности над ценностями националистическими, — оправданно и согласие на вашу помощь в борьбе против большевистской диктатуры».

Эти призывы к приоритету «общечеловеческих ценностей» над «националистическими» мы уже слышали в нашей недавней истории. Нам уже кто-то твердил о «правах человека» и «о борцах за свободу» в США? Если не знать, что приведённые выше слова принадлежат изменнику Родины Власову и сказаны они в 1942 г., то можно подумать, что это речь члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, произнесённая им в 1990 году.

По всей видимости, в 1942 г. германский генштаб начал крупную игру для свержения Сталина и замены его троцкистско-либеральным режимом.

Но эта игра была выиграна Адольфом Гитлером. Ему была совершенно не по вкусу вся эта возня с «русским освободительным движением». И дело здесь не только в зоологической русофобии фюрера. Он не мог не видеть, что манипуляции с «новым русским правительством» затеяны его старыми недругами из генеральского корпуса. Кроме того, формирование независимой русской армии грозило нацистской Германии непредсказуемыми последствиями. Вооружить несколько сотен тысяч советских военнопленных немецким оружием, чтобы они потом перешли на сторону Сталина и повернули это оружие против него, Гитлера?! Нет, кем-кем, а дураком Гитлер не был. Но даже в случае успеха антисталинского заговора он не выигрывал ровным счётом ничего. Напротив, его власть снова оказалась бы под угрозой. Ведь тогда пропадал главный предлог войны — большевистская угроза Европе. С «новым русским правительством» волей-неволей пришлось бы заключать мир, что означало конец всем планам в отношении русской территории и русского народа. А «новое русское правительство» при этом могло спокойно заключить мирный договор и с Западом. Тогда во имя чего надо было начинать войну? Не говоря уже о том, что такой исход делал оппозиционных генералов реальной силой, способной осуществить государственный переворот в рейхе, опираясь на помощь своих «русских союзников». Не потому ли Гитлер категорически отказывался не только видеть, но даже слышать о Власове.

Власова отправляют под домашний арест, потом отпускают, он живёт в Берлине, в хороших условиях, но всё равно остаётся на положении полупленного. Его изгоняют из большой игры.

План советских и германских заговорщиков рухнул, не начав осуществляться. Этому способствовали

сначала успехи германских войск, а с 1943 г. — успехи советских войск, которые сделали Сталина лидером Антигитлеровской коалиции.

Брошенный и своими друзьями-заговорщиками, и немецкими генералами, Власов оказался в ужасном положении. В своих честолюбивых планах он должен был стать главнокомандующим «новой русской армии», а может быть, и «диктатором» России, а стал немецкой марионеткой, одетой не то в русскую, не то в немецкую форму. Напрасно Власов продолжал носиться с идеями РОА и независимого русского правительства — всё это, по существу, было уже никому не нужно. Гитлер не дал хода формированию независимых русских воинских частей, разрешив лишь создать эсесовские национальные подразделения с русской символикой. Как манекен, Власов на парадах вскидывал руку в полунацистском приветствии, обращенном к «русским» солдатам, одетым в форму вермахта; как попугай, повторял демагогические лозунги о «свободной России без большевиков».

Между тем в этих подразделениях всё больше разочаровывались в нацистах. 16 августа 1943 г. на сторону советских партизан перешли солдаты и офицеры 1-й Русской национальной бригады СС («Дружины») во главе с бывшим подполковником Красной армии В. В. Гиль-Родионовым. За этот переход, во время которого новоявленные партизаны перебили немало немцев, он был восстановлен в армии с присвоением очередного воинского звания и, более того, награждён орденом Красной Звезды, а его подразделение было переименовано в 1-ю антифашистскую партизанскую бригаду.

Но нельзя сказать, что Власов вообще не играл никакой роли в Третьем рейхе. По воспоминаниям одного из руководителей германской разведки начальника VI отдела РСХА В. Шелленберга, «с генералом Власовым и его штабом мы заключили особые соглашения, предоставив ему даже право создать в России свою собственную разведывательную службу». Что это была за служба? Какими источниками она пользовалась? Этот вопрос ещё ждёт своего исследователя.

Во второй половине 1944 г. Власов вновь понадобился немцам в их большой игре. Теперь, однако, эта игра была внутригерманской. В июле почти все немецкие покровители Власова (фельдмаршал Т. фон Бок, генерал-полковник Г. Линдемман, полковник граф К. фон Штауффенберг и др.) оказались косвенными или прямыми участниками заговора против Гитлера. Как выясняется, Власов со своим несуществующим «войском» играл в планах заговорщиков не последнюю роль. Вот что пишет об этом куратор Власова В. Штрик-Штрикфельд: «Власов достаточно хорошо знал о той самостоятельной и активной роли, которая предназначалась заговорщиками РОА. Согласно их плану предусматривался немедленный мир на западе, а на востоке продолжение войны с превращением её в гражданскую. Для этого была нужна хорошо подготовленная и мощная власовская армия».

То есть немецкие генералы готовили для Власова всю ту же роль главаря братоубийственной войны. И тот радостно соглашается на этот план. «Я знаю, — заверяет он немецких генералов, — что ещё сегодня я могу выиграть войну против Сталина. Если бы я располагал армией, состоящей из граждан моего отечества, я бы дошёл до Москвы и закончил войну по телефону, просто поговорив с моими товарищами».

Однако и в случае с антигитлеровским заговором у Власова всё складывается не просто. 20 июля 1944 г. он настойчиво добивается встречи с рейхсфюрером Г. Гиммлером. (Встреча эта тогда не состоялась из-за покушения на Гитлера и начавшегося государственного переворота, который был подавлен Й. Геббельсом и аппаратом СС.) Что хотел сообщить Власов Гиммлеру? Сейчас сказать об этом трудно, но известно, что после провала заговора 20 июля Власов демонстративно отвернулся от своих вчерашних союзников-генералов, которые оказались заговорщиками. Эта беспринципность Власова поразила даже Штрик-Штрикфельда. Когда последний в разговоре с Власовым назвал Штауфенберга и других мятежников «наши друзья», то Власов резко перебил его: «О таких покойниках не говорят как о друзьях. Их не знают».

После провала заговора Власов понял, что дело генералов кончено и единственная реальная сила в Германии — это Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а конкретнее — рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, чья власть и возможности после провала путча неимоверно возросли. Власов вновь спешит на приём к «Чёрному Генриху» и просит о встрече. Такая встреча состоялась 16 сентября 1944 года. Любопытно, что проходила она за закрытыми дверями, один на один, а её результатом стало признание Власова «союзником» рейха и главнокомандующим РОА. 14 ноября 1944 г. в Праге торжественно прошло учредительное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР), которое приняло известный «манифест». Председателем Комитета был избран Власов.

Между тем началась агония гитлеровской Германии. И Власов в очередной раз попытался сменить хозяев. Он наносит немцам удар в спину в Праге в мае

1945 г., однако оставаться там долго не может — приближается Красная армия.

Власов бежит к американцам, которые, вроде бы, согласились принять его услуги, но, выполняя один из пунктов соглашения с СССР, выдали его группе захвата СМЕРШа, вынудив следовать в составе танковой колонны якобы в американский штаб.

На этом, собственно, жизнь Власова кончилась. Страшной и чёрной она была. Этот человек всю жизнь предавал всех и вся: церковь, служению которой хотел посвятить жизнь; Сталина, которому присягал и которым «восхищался»; Родину, которой был обязан всем; солдат и командиров 2-й ударной армии, от которых сбежал; своих покровителей — немецких генералов и новых покровителей — Гиммлера и СС. Власов предавал жён и любовниц, вождей, генералов и солдат. Предательство стало для него нормой жизни, определённым внутренним её содержанием.

Но следствие и процесс над изменниками Родины Власовым и его подельниками были закрытыми, а протоколы допросов полностью не рассекречены до сих пор. Поэтому остаётся тайной, кто же стоял за спиной Власова в трагические дни 1942 г.?

В заключение хотелось бы сказать, что эта статья обращена скорее в настоящее и будущее, чем в прошлое. Там, в прошлом, всё стояло на своих местах: Верность называлась Верностью, Доблесть — Доблестью, трусость — трусостью, измена — изменой. Но сегодня появились крайне опасные тенденции к подмене этих понятий, поскольку есть желающие назвать измену — Доблестью, а трусость — Героизмом. У «власовых» появились сотни почитателей и апологетов, скорбящих об их «мученической кончине». Такие люди делают преступное дело — они оскорбляют святую память о наших воинах, подлинных мучениках, павших в годы Великой Отечественной войны за Веру и Отечество.

Когда-то в далёком 1942 г. Власов с упоением читал книгу «Грозный и Курбский», не раз восторгаясь словами и поступками князя-изменника. Ему удалось продолжить дело своего кумира, и кто бы что ни говорил, Власов и ему подобные найдут достойное место в позорном ряду предателей России.

Гагарин Анатолий Станиславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, директор Института системных политических и гуманитарных проектов

Власов — «раб», не ставший «господином»

Когда мой отец, писатель Станислав Гагарин, работал в конце 1980-х гг. над романом «Мясной Бор», посвященным подвигу 2-й ударной армии, брошенной на помощь осаждённому Ленинграду, то тема предательства генерала Власова, принявшего командование этой армией в последние дни Любанской операции, не могла не возникнуть.

Я в те годы окончил философский факультет, и мы с отцом вели долгие дискуссии на темы жизни, смерти, подвига и предательства. В результате этих бесед литературный герой романа, Олег Кружилин, один из немногих вымышленных персонажей, необходимых для сюжета в этом художественном произведении, стал в романе выпускником философского

факультета. Он постоянно пытается уловить суть происходящего, осмыслить её с помощью философских категорий, которые принято называть экзистенциальными. Эти беседы обусловили также тему моей докторской диссертации, посвященной одиночеству, страху и смерти.

Роман вышел в 1991 году. Отец скоропостижно скончался в 1993-м. И сегодняшняя конференция как бы продолжает наши дискуссии. Так что я буду говорить не только за себя, но и за отца. А его позиция в оценке последних вех жизненного пути Власова была твёрдой. Она исходит из проверенной веками максимы: «Единойжды предавший...»

Эта позиция и не могла быть другой, ведь Станислава Гагарина побудило написать роман именно замалчивание подвига 2-й ударной армии, а порой и откровенное шельмование её героев после Великой Отечественной войны.

Главной причиной подобного отношения стали, конечно, предательство генерала Власова и последующее создание им Русской освободительной армии (РОА). Предательство одного человека, пусть и генерала, бросило тень на всю 2-ю ударную армию, которая после гибели практически всех её бойцов (а также 52-й и 59-й армий) в Любанской наступательно-оборонительной операции Волховского фронта в 1942 г. была сформирована заново и прошла с боями до Берлина. Напомню, что знамёна 2-й ударной армии были вынесены бойцами из окружения, а 103 её воинам были присвоены звания Героев Советского Союза. И вот этих людей стали называть «власовцами», а эту армию — упорно считать «власовской».

Но были те, кто стремился восстановить правду, очистить подвиг бойцов от лежавшей на них тени предательства. Таким человеком был вице-адмирал Н. А. Шашков, сын начальника особого отдела 2-й ударной армии А. Г. Шашкова, погибшего при выходе из окружения.

Станислав Гагарин приступил к написанию романа после знакомства с этим замечательным человеком. Я видел, с каким трудом им приходилось пробивать стену молчания вокруг этой темы. И тем не менее общими усилиями удалось организовать публикации в «Советской России» и «Известиях», выпустить роман «Мясной Бор». И защитить доброе имя ветеранов, воевавших и после предательства Власова.

Почему возникает вопрос о реабилитации Власова? Ведь, по сути, это оправдание предательства. Независимо от тех мотивов, которыми руководствовался Власов. Аргумент «борьбы с большевизмом» выглядит неубедительно. Именно поэтому сегодня активно вбрасывается версия о «секретной миссии» Власова, в результате чего он выглядит неким «коктейлем» из Гесса, Зорге и Штирлица в одном лице. В изложении авторов версии, этот «суперагент» борется руками самих фашистов и наших бывших военнопленных и с фашистами, и с собственной Родиной.

Наше время — время наступающего релятивизма, при котором сильна тяга к свержению авторитетов, к желанию представить вечные истины и абсолютные ценности как относительные, амбивалентные, двойственные.

Что двигало Власовым? Почему он, преклонявшийся до плена перед Сталиным, называвший его «Большим Хозяином», постоянно подчёркивавший в разговорах его особое внимание к себе, якобы ценившего его заслуги, в новых обстоятельствах поменял полюса? Власов сам признавался в своих званиях, что советская власть не сделала ему ничего плохого. Этим признанием он пытался доказать, что у него с нею не личные счёты, не месть, а внутреннее, метафизическое противоречие как с тотальным врагом. Именно Сталин, «сталинизм» стал главным врагом в манифестах Власова.

В своё время немецкий философ Георг В.-Ф. Гегель в «Феноменологии духа» изложил диалектику отношений господина и раба. О ней же говорил ещё Платон, указывая, что любой тиран — сам раб, т. е. порабощение другого есть также и порабощение себя.

Марксисты часто обращались к этой диалектической взаимозависимости (имеющей отношение к процессу самосознания) для обоснования неизбежности процесса социального превращения «никого» во «что-то». У Гегеля в поединке «господина» и «раба» первый рискнул и, победив, стал хозяином. «Раб» же испугался смерти и, потерпев поражение, спасая свою жизнь, согласился с положением раба и превратился в некую «вещь», зависимую от господина. В результате господин эксплуатирует раба, принуждая его работать на себя, и довольствуется потреблением того, что производит для него раб.

Однако при таком раскладе сил возникает диалектическое движение, которое в конечном счёте приводит к изменению положения участников игры. Господин становится зависимым от вещей, которые уже не умеет производить сам, а раб тем временем получает независимость от вещей, поскольку сам же их и производит. При этом господин не способен полностью реализовать своё самосознание в силу того, что раб, низведённый до положения вещи, не может служить тем диалектическим полюсом, с которым его хозяин мог бы себя адекватно соотносить (справедливо замечено, что быть только господином значит намного меньше, чем быть личностью, наделённой самосознанием). В то же время раб в лице господина такой диалектический полюс имеет, поскольку тот — носитель самосознания, который повелевает. Так Гегель обозначил необычайную диалектическую потенцию, таящуюся в труде. По его словам, рабское сознание «именно в труде обретает самоё себя, стремясь найти собственное значение, хотя труд, как казалось, делал это значение отвлечённым».

Власов — это тот самый «раб», который (по Гегелю) хочет стать «господином».

Попав в плен, он решил использовать свой шанс стать вровень и даже выше своего прежнего господина и «Большого Хозяина» — Сталина (т. е. победить его).

Сервилизм Власова в одночасье сменяется расчётливым бунтом (предательством). «Раб» в этом случае ищет более сильного хозяина, сам рассчитывая при этом стать господином.

Фридрих Ницше (опираясь на творчество Ф. Достоевского) писал про вероломство слабых и великодушные сильных духом. Сам Власов, описывая свой поступок — переход на сторону врага, признавался: «Смалодушничал». Именно проявленное малодушие как признак внутренне слабого, но амбициозного человека стало первым толчком, импульсом в трагедии падения Власова.

Для претензий на то, чтобы стать «господином», Власову нужна была сила, и такой силой, по его замыслу, должна была стать для него, мечтавшего занять место своего прежнего «хозяина» — Сталина, армия «рабов» — исполнителей честолюбивого замысла.

Поэтому ни о каком самоубийстве (как это сделал, попав в плен, генерал Самсонов в 1914 г.), или о пребывании в концлагере, или о героической смерти (вспомним смерть генерала Карбышева, отказавшегося присоединиться к предателю) сам Власов не помышлял. Он слишком высоко ценил самого себя и свой военный талант военачальника, чтобы выдать смерть в том или ином виде.

Таким образом, Власов совершил ещё одно предательство — он предал своих прежних соратников, за что и был удостоен плевка в лицо от пленного советского генерала, которому он предложил вступить в РОА. Ведь фашистам Власов был нужен как советский военачальник, перешедший на сторону врага и объединивший воинские подразделения из числа перебежчиков, готовых воевать против своих соотечественников.

Власов же решил «выжать из ситуации» всё. Он решил обыграть и Сталина, и Гитлера. Поэтому он не просто перешёл на сторону нацистов, к чему подталкивали его те немецкие разведчики, которые обрабатывали его в плену. Он решил возглавить процесс *массового* перехода на сторону врага, используя своё генеральское звание, полученное в Советской армии. Власов предложил создать армию из советских пленных и бросить её в битву со Сталиным.

Замысел самонадеянный, демонстрирующий уровень дьявольски авантюрных притязаний Власова. О его честолюбии говорят многочисленные свидетели — как российские, так и немецкие. (Доста-

точно вспомнить его поучения, которые он раздавал и Гиммлеру, и Гитлеру, о том, как надо вести войну с Россией, как он мог бы взять Ленинград, если бы ему дали несколько дивизий.)

Является ли эта самая печально известная часть жизненного пути Власова активной борьбой со сталинизмом, с режимом? Только косвенно. По сути же, это была и борьба с государством, и борьба с народом, и борьба с самим собой — прежним рабом. Но на деле же это стало обретением нового рабского состояния, купленного ценой *государственной измены*, ценой перехода на сторону врага и борьбы с оружием в руках против своей Родины*.

Николай Бердяев писал, что человек должен стать не господином, а *свободным*. И самый свободный из сынов человеческих — Христос: он свободен от мира, он связывает лишь любовью**.

Что касается Власова, то он — «раб», так и не ставший «господином». Потому что была борьба Власова — «раба нового» с Власовым — «рабом старым».

Цена этого *бунта на коленях* была высока — тень предательства, которая легла на бойцов 2-й ударной армии, обман тех, кого он вовлёк своей пропагандой в РОА, предательство народа, России как Отечества и своих близких.

И сегодня этот обман продолжается, к сожалению, во всяком случае, для тех, кто не только готов обманываться сам, но и вводить в иску относительных псевдоистин других людей.

История не знает сослагательного наклонения, но попробуйте представить, что вдруг Барклай де Толли или Багратион, оказавшись в плену, перешли бы на сторону Наполеона и оправдывали бы это «борьбой с царизмом». Возможно ли это? Думаю, что нет. Хотя скептики могут сказать, что времена были другими.

Но вот другой пример — генерал Антон Деникин, отказавшийся благословить власовцев. Ему даже приписывают фразу: «Если бы мне могли дать должность генерала в Красной армии, я бы немцам показал». Как писала историк Н. А. Нарочницкая, для таких людей, как Деникин, Россия в любом обличье оставалась Родиной, и для них сохранить её для будущих поколений было важнее, чем при жизни увидеть крах ненавистного режима. А для власовцев — наоборот, лучше бы не было никакой России, чем Россия большевистская.

Иван Ильин справедливо отметил, что Россия не есть «пустоеместилище», в которое можно механически, по произволу, вложить всё, что угодно. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. И нужно считаться с законами

* Во всех странах подобные деяния оцениваются весьма сурово. В Конституции США, например, даётся чёткое определение: «Государственной изменой Соединённым Штатам считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия».

** «Свобода есть свобода не только от господ, но и от рабов. Господин детерминирован извне, господин не есть личность, как раб не есть личность, только свободный есть личность, хотя бы весь мир хотел его поработить» (Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии).

её духовного организма. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней — сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Ключевые понятия здесь: Россия, Отечество, патриотизм, долг. По мнению Ильина, в основе пат-

риотизма лежит «творческий акт духовности самоопределения». Душа истинного патриота может жить только до тех пор, пока она пребывает в творческом объединении с жизнью своего народа.

Власов сделал свой выбор. Нарушив свой воинский долг, он отделил себя от народа, от Отечества, от России.

Куртов Аждар Аширович, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии»

Правовая оценка инициативы по реабилитации руководителей РОА

Сегодня за круглым столом собрались преимущественно представители исторической и военной наук. Однако затрагиваемая нами тема совершенно очевидно имеет также и юридический аспект. Ведь за призывами пересмотреть оценки деятельности РОА и её руководителей стоит не просто желание изменить отношение общества к событиям прошлого на уровне чисто политического, оценочного восприятия. Сторонникам данной инициативы для достижения поставленной цели необходимо добиться отмены правовой квалификации деятельности руководителей РОА, зафиксированной не просто в каком-то постановлении ЦК КПСС, а в приговоре, вынесенном государственным судебным органом.

Сам термин «реабилитация» — это прежде всего правовое понятие, предусматривающее восстановление в правах, включая восстановление утраченного доброго имени, а также (если речь идёт об уголовном аспекте) отмену вынесенного судом обвинительного приговора, как правило, в силу «отсутствия состава преступления». Именно последним реабилитация отличается от внешне схожих с ней юридических понятий — «амнистия» и «помилование», которые оставляют вынесенный приговор в силе, а помилованного — лицом, совершившим преступление.

Поскольку в нашем случае речь идёт о реабилитации руководителей РОА, осуждённых в советский период, то не лишне будет напомнить, что советское уголовное право рассматривало реабилитацию как восстановление в прежнем состоянии *невиновного* лица, которое было привлечено к уголовной ответственности *необоснованно*. В ныне действующем законодательстве России (УПК РФ) в п. 34 ст. 5 реабилитация тоже определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, *незаконно или необоснованно* подвергнутого уголовному преследованию.

Очевидно, что сторонникам реабилитации руководителей РОА такой подход законодателя только на руку, поскольку он позволяет им надеяться, что клеймо уголовных преступников с них будет снято, без чего добиться желаемых перемен в отношении общества к РОА было бы проблематичным. Вполне вероятно, что сторонники подобных взглядов постараются представить руководителей РОА такими

же жертвами сталинского репрессивного аппарата, как и политических противников Сталина — Бухарина или Троцкого. Они с помощью имеющихся легитимных возможностей попытаются добиться отмены приговора, вынесенного руководителям РОА в далёком 1946 году. Наверняка будут звучать призывы «довести до логического завершения процесс реабилитации репрессированных в СССР лиц», начавшийся после смерти Сталина в 1953 г., сошедший на нет во времена Брежнева и возобновившийся при Горбачёве.

В связи с этим напомним, что постановлением Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 1930–1940-е годы и начале 1950-х годов» от 11 июля 1988 года. Прокуратуре СССР и КГБ СССР было дано поручение продолжить работу по пересмотру дел в отношении лиц, репрессированных в годы сталинского режима, причём даже без подачи заявлений о реабилитации от родственников и жалоб от самих репрессированных граждан. 16 января 1989 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменял внесудебные решения, вынесенные в указанный период внесудебными «тройками» НКВД–УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД–МГБ–МВД СССР. Однако реабилитация на основе этих решений не распространялась на изменников Родины, карателей, нацистских преступников, на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, и на лиц, совершивших убийство.

Законодательство нынешней России тоже содержит акты, посвященные реабилитации. Помимо упомянутого УПК РФ к ним можно отнести Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., Указ Президента РФ «Об утверждении положения о Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий» от 25 августа 2004 года.

Очевидно, что сторонники реабилитации руководителей РОА попытаются опереться именно на нормы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в частности на ст. 2, где говорится,

что «целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года...»

Не могу не отметить, что в плане воздействия на общественное мнение у сторонников реабилитации руководителей РОА имеется возможность спекулировать на некоторых правовых терминах. Это сегодня действующий УК РФ содержит нормы, лишённые идеологического содержания, даже для такого преступления, как «государственная измена» (ст. 275). А на момент суда над руководителями РОА в РСФСР действовал УК 1926 г., в котором имелись так называемые «контрреволюционные» статьи. Тем не менее речь идёт именно о возможности спекулировать на терминах, поскольку УК РФ, как и аналогичные законодательства других стран, отнюдь не отказывается от уголовного преследования за действия, направленные на подрыв государственных основ (гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»).

Отметим также, что российское законодательство позволяет подать заявление о реабилитации не только самим осуждённым (в нашем случае это невозможно, поскольку они казнены), но и членам их семей, а также любым общественным организациям и сторонним лицам.

К каким юридическим аргументам из области материального и процессуального права могут прибегнуть сторонники реабилитации руководителей РОА? Начнём с процессуального аспекта. Генерал Власов был задержан в 1945 г. и после следственных действий 1 августа 1946 г. был приговорён к смертной казни через повешение. Специально отметим, что руководителей РОА осудил именно суд, т. е. они были подвергнуты судебному, а не внесудебному преследованию, и приговор выносила высшая судебная коллегия, а не какая-то «тройка». Это обстоятельство лишает сторонников реабилитации сразу целого ряда аргументов в пользу версии о чисто политическом преследовании генерала Власова и его соратников.

Однако можно ожидать, что они попытаются всё-таки обосновать свою инициативу тем, что политическая мотивация преследования руководителей РОА просматривается в ряде процессуальных нарушений, которые должны быть установлены и послужить основанием для отмены вынесенного приговора. Как эксперт-правовед, я не могу не отметить, что с формально-юридической точки зрения необходимых и достаточных оснований для подобной позиции нет. В пользу версии, которую отстаивают сторонники реабилитации, имеются лишь определённые намёки, факты, которые можно интерпретировать не столько в чисто правовом, сколько в политическом плане.

Дело в том, что незадолго до начала судебного процесса, 23 июля 1946 г., состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято следующее решение:

«1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета освобождения народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе «Хроника» сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник, 30 июля с.г.».

Сторонники реабилитации руководителей РОА в своих публикациях уже активно используют данный исторический факт как безусловное, с их точки зрения, доказательство того, что суд был актом политической мести, что осуждены власовцы не как уголовные преступники, а как оппоненты большевиков.

Однако давайте разберёмся в этой ситуации. Действительно, принятие фактически судебного решения высшим партийным органом до проведения процесса и вынесения приговора с позиций дня сегодняшнего предосудителен, поскольку его можно расценить как вмешательство в дела правосудия. Но с правовой точки зрения принципиальным является то обстоятельство, что приговор всё-таки был вынесен судом, а не Политбюро. Решение Политбюро не отменяло суда и не заменяло его с процессуальной точки зрения. Сам же факт рассмотрения партийным органом подобного вопроса в реально-исторических условиях той эпохи был делом вполне обычным и, кстати, не слишком расходился с действующим законодательством СССР, в котором была зафиксирована особая роль партийных органов в решении всех важных вопросов государственной и общественной жизни.

Не является значимым нарушением и решение проводить судебные заседания в закрытом порядке — это была вполне обычная для того времени практика. Конечно, часто суды над полицией и предателями в СССР старались проводить в открытых слушаниях. Но в случае с Власовым и его соратниками было принято иное решение. И даже если признать, что при этом имело место нежелание властей предоставить руководителям РОА даже малейшую возможность для публичного оглашения своих взглядов и критики в адрес советской власти, то это нельзя квалифицировать как значимое процессуальное нарушение. Решение о закрытом характере процесса выносится судом по самым разным соображениям, в том числе и исходя из необходимости защиты государственной

или военной тайны. Можно долго спорить о том, какими мотивами в данном случае руководствовалась Военная коллегия, но в любом случае правовую возможность выбора закон оставлял за ней.

То же можно возразить и на возможные обвинения в скоротечности процесса, который продолжался всего два дня. Это действительно разительно контрастирует с той практикой, которая существует в настоящее время. Но нельзя современные реалии, современное законодательство применять к событиям прошлого. Следствие по делу Власова и его соратников велось достаточно долго, доказательства его вины были собраны. Полученные сведения проверялись в том числе и в архивах Германии. Кстати, Власов на процессе признал выдвинутые против него обвинения, и это принципиально важно. Поэтому скоротечность процесса нельзя признать процессуальным нарушением.

Никаких нарушений нет и в том, что была применена норма Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Ведь речь шла только о способе приведения приговора в исполнение и ни о чём больше. Я позволю себе процитировать данный нормативный акт. Полное название Указа — «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Итак, Указ предусматривал:

«В освобождённых Красной армией от немецко-фашистских захватчиков городах и сёлах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учинённых немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чём не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сёл, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение...»

На наш взгляд, единственным заслуживающим внимания процессуальным моментом является тот факт, что процесс проводился без участия сторон, т. е. обвиняемые и подсудимые были лишены возможности обращаться к помощи адвокатов. Однако это обстоятельство тем не менее нельзя признать нарушением норм действовавшего в то время УПК РСФСР 1922 года. И дело даже не в том, что подобная практика в военное время была весьма распространена. И не в том, что п. 2 ст. 59 УПК РСФСР устанавливал обязательность участия защитника по делам, где обвиняемый находился под стражей. Главное в другом — дела по ст. 58 УК РСФСР рассматривались не в народных судах. И эта норма была зафиксирована в УПК РСФСР. Так, ст. 24 гласила: «Все дела о преступных деяниях подсудны народному суду, за исключением дел, отнесённых законом к ведению революционных трибуналов». А ст. 28 определяла: «Ведению революционных трибуналов исключительно подлежат дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. 57–73 и 119 Уголовного кодекса...»

В УПК для этого существовал специальный раздел 4, посвященный производству дел в революционных трибуналах. Для этих органов устанавливались особые процедуры. В частности, ч. 1 ст. 415 УПК гласила: «Допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, необязательно и разрешается каждый раз Ревтрибуналом в распорядительном заседании в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела».

Если бы аналогичное событие — отсутствие адвоката и обвинителя — имело место сегодня, то только на этом основании заинтересованные лица имели бы полное право настаивать на отмене вынесенного приговора. Вот тогда как эксперт я мог бы согласиться с тем, что этот аргумент (отсутствие представителей сторон, равно как и проведение процесса без вызова свидетелей) и в случае руководителей РОА может стать поводом для юрисдикционного органа, который предположительно будет рассматривать дело о реабилитации, учесть данное обстоятельство. Я мог бы даже предположить, что с чисто формальной стороны приговор мог бы быть на этом основании отменён. Но в рамках действовавшего на момент судебного процесса над Власовым УПК всё это соответствовало нормам установленного законом процессуального порядка.

Можно отметить ещё одно процессуальное обстоятельство, которое, впрочем, ни в коем случае нельзя расценивать как существенное нарушение (т. е. как причину для отмены вынесенного судом приговора): приговор не был оглашён публично. Ведь ст. 21 УПК РСФСР 1922 г. предусматривала: «При слушании дела при закрытых дверях приговор, во всяком случае, провозглашается публично». Впрочем, публикация вынесенного судебного решения в СМИ практически заменяла такое оглашение, поскольку в этом случае общество получало информацию о результатах судебного разбирательства.

Главное — это чётко представлять себе юридическую сторону данной проблемы. Отмена приговора по основаниям совершённых процессуальных нарушений никоим образом не означает полной реабилитации. Она не отменяет необходимости дать оценку материальных аспектов, т. е. того, были ли действия подсудимых преступными, и если были, то была ли им дана правильная квалификация по Уголовному кодексу. Иными словами, если бы руководители РОА остались живы, то даже после отмены приговора по причине наличия процессуальных нарушений должен был состояться новый судебный процесс с теми же обвинениями в их адрес.

Но есть ли у сторонников реабилитации руководителей РОА аргументы, которые способны опровергнуть квалификацию Военной коллегией действий подсудимых как преступников в рамках УК РСФСР 1926 г. (а не исходя из нынешнего законодательства)?

А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, М. А. Меандров, В. Д. Корбуков и Н. С. Шатов были обвинены Военной коллегией Верховного суда СССР за совершение преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., ст. 58-1 «б», 58-8, 58-9, 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР.

Чтобы было понятнее, приведу вменённые в вину власовцам нормы УК РСФСР, действовавшего на момент совершения преступлений.

«Ст. 58-1 «а». *Измена Родине*. Измена Родине, т. е. действия, совершённые гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества...

Ст. 58-1 «б». *Измена Родине, совершённая военными служащими*. Те же преступления, совершённые военными служащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом, с конфискацией всего имущества...

Ст. 58-8. *Террористический акт*. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-9. *Диверсия*. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечёт за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-10. *Контрреволюционная пропаганда и агитация*. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-11. *Участие в контрреволюционной организации*. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы».

Ниже привожу в точной редакции выдержку из приговора, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР:

«Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военными служащими Красной армии и будучи антисоветски настроенными, в напряжённый для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей

немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941–1943 гг. проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооружённую борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером т. н. «Комитет освобождения народов России» и по заданию германской разведки создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооружённые отряды, наименовав их «Русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского Правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководили Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии конкретная предательская деятельность каждого из подсудимых установлена следующая:

1). ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армии того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешёл на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части т. н. «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и общался с ответственными представителями германского министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками Родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал т. н. «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима. Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержа-

лись советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооружённой борьбе с Советским Правительством и Красной армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками — изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ, возглавил созданный немцами т. н. «Комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины, т. н. «Русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского Правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в т. н. «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего т. н. «РОА», направлял сформированные им воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Геббельсом и Риббентропом, вёл с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленён частями Красной армии...

На основании вышеизложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЫЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-Г6», 58-8, 58-9, 58-10, 58-11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319–320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА: лишить воинских званий

1. ВЛАСОВА — генерал-лейтенанта,
2. МАЛЫШКИНА — генерал-майора,
3. ЖИЛЕНКОВА — бригадного комиссара,
4. ТРУХИНА — генерал-майора,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО — генерал-майора береговой службы,
6. ЗАКУТНОГО — полковника,
7. МАЛЫЦЕВА — полковника,
8. БУНЯЧЕНКО — полковника,

9. ЗВЕРЕВА — полковника,
10. МЕАНДРОВА — полковника,
11. КОРБУКОВА — подполковника,
12. ШАТОВА — подполковника,

— и по совокупности совершённых преступлений, на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

1. ВЛАСОВА Андрея Андреевича,
2. МАЛЫШКИНА Василия Фёдоровича,
3. ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича,
4. ТРУХИНА Фёдора Ивановича,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича,
6. ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича,
7. МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича,
8. БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича,
9. ЗВЕРЕВА Григория Александровича,
10. МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича,
11. КОРБУКОВА Владимира Денисовича,
12. ШАТОВА Николая Степановича

— ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Имущество всех осуждённых, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Таким образом, главный и значимый материальный аспект рассматриваемой нами проблемы упирается в исследование составов преступления, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР 1926 года. С нашей точки зрения, из всех четырёх элементов состава (субъект, объект, субъективная сторона и объективная сторона) сторонники реабилитации руководителей РОА почти наверняка будут пытаться доказать, что объект и субъективная сторона состава преступления были неверно квалифицированы по ст. 58.

В уголовном праве под объектом преступления понимают те общественные отношения, которые охраняются нормами уголовного права от преступных посягательств. Сторонники реабилитации руководителей РОА утверждают, что те если и покушались на общественные отношения, установленные в СССР, то только на ту их часть, которая воплощала идеологические установки коммунистов. Однако реальные действия власовцев были направлены на подрыв внешней безопасности СССР, т. е. на его территориальную неприкосновенность, военную мощь и государственную независимость.

Именно это старались сокрушить военные подразделения РОА в союзе с гитлеровцами. Но эти понятия в соответствии со ст. 58 УК 1926 г., ст. 64 более позднего УК РСФСР 1960 г. и ст. 275 ныне действующего УК РФ 1996 г. как раз и составляют объект преступных посягательств. Переход на сторону врага специалисты по уголовному праву большинства государств, как правило, квалифицируют именно так — по объекту преступных посягательств.

Основной целью атаки сторонники реабилитации почти наверняка изберут фундаментальное

понятие уголовного права — категорию «вины». Дело в том, что особенностью квалификации преступных деяний по ст. 58 является наличие в действиях преступника прямого или косвенного умысла. В уголовном праве преступление признаётся совершённым с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своих действий, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. С точки зрения сторонников реабилитации руководителей РОА, умысел Власова и его соратников был направлен якобы на то, чтобы избавить страну от тоталитарного репрессивного режима Сталина, а вовсе не на предательство Родины, пособничество гитлеровцам и тому подобное, отмеченное в вынесенном приговоре. В подтверждение такой позиции, скорее всего, будут приводиться цитаты из ряда обращений РОА, в частности из так называемого «Смоленского манифеста» (декабрь 1942 г.) и письма Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом» от 18 марта 1943 года. Поэтому я бы призвал участников нынешней дискуссии в своих выступлениях иметь это в виду, когда они будут касаться исторических фактов.

В самом общем плане хотелось бы перечислить некоторые контраргументы.

1. Версия сторонников реабилитации об истинных целях Власова была бы убедительной, если бы речь шла о его действиях против Сталина летом 1941 г., но никак не в период 1943–1945 гг., когда стратегическая инициатива на фронтах перешла к Красной армии. Многочисленные факты свидетельствуют, что РОА участвовала во фронтовых операциях в основном именно в 1944–1945 гг. Тогда Власов уже не мог не понимать, что в сложившейся к тому времени военной обстановке декларируемые им цели были недостижимы.
2. Временной фактор, который весьма важен в оценках общественных явлений и которым активно пользуются историки, воспринимающие хронологию событий как своеобразный «скелет» исторической науки, ещё более значим для правоведов. Ведь его изучение позволяет понять и правильно оценить причинно-следственные связи, в том числе и те, которые имеют отношение к совершению преступлений. В этом смысле нельзя не отметить, что использование гитлеровской Германией военных частей, сформированных из предателей, принадлежащих к различным национальностям народов Советского Союза, началось отнюдь не после пленения генерала Власова (июль 1942 г.) и тем более не после появления обращений РОА с призывами вступить в борьбу с большевиками на стороне Гитлера. Такие части стали создаваться гитлеровцами на Восточном фронте ещё в 1941 г., и ни РОА, ни Власов тогда не имели к этому никакого отношения. Позднее эти части влились в состав

РОА. А это означает, что смысл и цель создания подобных формирований формулировались отнюдь не руководителями РОА в их агитационных материалах.

3. Власов явно не был малообразованным или слабоумным, чтобы не понимать истинного характера режима Третьего рейха, целей Гитлера. Он не мог рассчитывать на то, что Гитлер будет относиться к нему как к равному союзнику, как к Муссолини, Хорти или Франко. Свои представления о судьбе славянских народов Гитлер изложил ещё в книге «Моя борьба», написанной им до начала Второй мировой войны. Гитлеровские планы обустройства территории завоёванного СССР тоже не были большим секретом. Можно ли, исходя из этого, признавать правовую значимость декларируемых Власовым целей его борьбы с точки зрения перспектив их реализации (т. е. были ли эти цели его настоящими целями, что могло бы изменить квалификацию «наличия умысла»)? На наш взгляд, для этого оснований нет.
4. Как соотносятся с интерпретацией власовского прямого умысла активные карательные действия против некомбатантов, т. е. мирного населения? Как соотносятся с этим толкованием борьба власовцев против партизан и подпольщиков?
5. Большинство членов РОА нарушили данную ими военную присягу, а это рассматривается уголовным законодательством как действия, подпадающие под ст. 58–1 УК РСФСР. Присяга, которую давали позднее члены РОА, особенно тот её вариант, который действовал до 28 января 1945 г., недвусмысленно свидетельствует о том, что они клялись подчиняться Гитлеру как главнокомандующему. Приведём текст этой присяги: «Я, верный сын моей Родины, вступая в ряды Русской освободительной армии, торжественно клянусь: честно бороться против большевиков на благо моей Родины. В этой борьбе против общего врага на стороне германской армии и её союзников клянусь быть верным и беспрекословно

повиноваться Вождю и Главнокомандующему всех освободительных армий Адольфу Гитлеру. Я готов, во исполнение этой клятвы, не щадить себя и свою жизнь».

Позднее действовал следующий текст: «Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооружённых сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю — для блага моего народа под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови. Эта борьба ведётся всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера. Я клянусь быть верным этому союзу. Во исполнение этой клятвы я готов отдать свою жизнь».

Напомню, что Гитлер, как и Гиммлер, с которым общался по делам РОА генерал Власов, были признаны международным Нюрнбергским трибуналом преступниками.

С нашей точки зрения, Военная коллегия в целом вполне законно квалифицировала действия руководителей РОА как преступления. В вынесенном приговоре если и присутствуют политические моменты, то они явно не доминируют.

Можно добавить, что Прокуратура РФ летом 2001 г. уже рассматривала обращение с требованием реабилитировать Власова, поступившее от общественной организации «За Веру и Отечество», и в реабилитации отказала. Такую же позицию заняла и Военная коллегия Верховного суда РФ в ноябре того же года. При этом последняя исключила из обвинения Власова и его 11 соучастников ст. 50–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Суд решил, что данная статья в соответствии с законом «О реабилитации жертв политических репрессий» не содержит общественной опасности, и лица, осуждённые по ней, реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения*. В то же время Коллегия постановила оставить в силе обвинения Власову по статьям «измена Родине», «террористический акт», «диверсия» и «участие в контрреволюционной организации».

* Здесь следует отметить, что реабилитация по данному обвинению отнюдь не означает отказа признавать действия руководителей РОА преступными по УК РСФСР 1926 года. Просто на момент принятия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в России доминировала точка зрения, что подобные деяния — антисоветская агитация и пропаганда — не представляют собой общественной опасности. Поэтому такой подход и нашёл своё отражение в тексте данного закона. Но нельзя не отметить, что схожие по содержанию нормы уголовного закона имеются и в других государствах. Например, параграф 2385 Свода законов США гласит: «*Пропаганда, направленная на свержение правительства*. Тот, кто, сознательно или умышленно, пропагандирует, поощряет, даёт совет или указывает на обязанность, необходимость, желательность или уместность свержения или уничтожения правительства Соединённых Штатов или правительства какого-либо штата, территории, округа или владения Соединённых Штатов, или правительства какого-либо их политико-административного подразделения при помощи силы или посредством убийства какого-либо должностного лица такого правительства; или имея намерение вызвать свержение или уничтожение какого-либо такого правительства, издаёт, печатает, выпускает, распространяет, продаёт, распределяет или публично демонстрирует какие-то письменные или печатные материалы, пропагандирующие, советующие или поучающие об обязанности, необходимости, желательности или уместности свержения или уничтожения какого-либо правительства Соединённых Штатов при помощи силы, либо пытается сделать это; или организует, помогает или пытается организовать какое-либо общество, группу или собрание лиц, которые учат, пропагандируют или поощряют свержение или уничтожение какого-либо такого правительства при помощи силы, становится или является членом любого такого общества, группы или собрания лиц, зная их цели, карается штрафом в размере до 20000 долларов или тюремным заключением на срок до 20 лет, либо обоими наказаниями, а также лишается права быть на службе у Соединённых Штатов или в каком-либо их министерстве или агентстве в течение пяти лет после его осуждения...»

Законодательства большинства современных государств квалифицируют переход на сторону противника, совершённый в военное время и намеренно, сопряжённый с активными боевыми действиями на стороне противника против национальной армии, с действиями, нарушающими международное гуманитарное право, как одно из *наиболее тяжких уголовных преступлений*. И такая правовая квалификация не зависит от того, относится ли правовая система к континентальной, англо-саксонской или какой-то иной правовой семье; исповедует ли доминирующая нация ислам, буддизм, индуизм или различные формы христианства; входило ли такое государство ранее в систему стран социализма или не входило. Например, в Своде законов Соединённых Штатов Америки содержится раздел 18 «Преступления и уголовный процесс», глава 115 которого именуется «Измена, призыв к мятежу и подрывные действия». Параграф 2381 этой главы содержит следующую правовую норму: «*Измена*. Тот, кто, будучи обязанным хранить верность Соединённым Штатам, начинает войну против них или примыкает к их врагам, оказывая им помощь и поддержку в Соединённых Штатах или где-либо ещё, виновен в измене и карается смертной казнью или тюремным заключением на срок не менее пяти лет и штрафом в размене не менее 10000 долларов, а также лишается права занимать какую либо должность на государственной службе Соединённых Штатов».

Таким образом, с правовой точки зрения оснований для действительной реабилитации руководителей РОА не существует.

В заключение не могу не высказать свою гражданскую позицию. В отношении к феномену предательства у народов России, конечно же, определённую роль сыграл исторический опыт. На протяжении сто-

летий время от времени из шкурных соображений кто-то из князей, гетманов или генералов способствовал вторжению иноземных орд — то монголов, то мадьяр, то крымских татар, то ляхов, то шведов, то германцев. И это не могло не отразиться на национальном менталитете, на особенностях бытия нации. Эти особенности проявляются в самых разных процессах, в том числе, например, и в языке. В том самом великом и могучем русском языке, на котором мы сегодня ведём свою дискуссию.

Мы можем провести нехитрый социологический эксперимент — выйти на улицы любого населённого пункта нашей страны и попросить граждан подобрать первое пришедшее на ум прилагательное к словам «предатель» и «предательство». И я уверен, что большинство опрошенных наверняка скажут «подлое» и «гноусное». И это далеко не случайно. В русском языке — это устойчивые и наиболее употребляемые словосочетания, демонстрирующие отношение к феномену предательства, которое она выработала на протяжении своей истории. Ведь что такое «гноусный» предатель? Это тот, кто внушает отвращение, кто омерзитель для окружающих. Этимология слова «гноусный» позволяет нам углубить смысл отношения к предательству. «Гноусный», «гноус» — паразит, досаждающий людям. Естественной реакцией на него на уровне простого инстинкта элементарной гигиены является желание раздавить, уничтожить. В этом отражается нормальное национальное восприятие и одновременно оценка феномена предательства.

А раз так, то стремление реабилитировать руководителей РОА, по существу, сродни желанию выплеснуть бочку серной кислоты на железный столб, на котором покоится наша цивилизация. Мы не должны этого допустить.

**Дрожжин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук,
член экспертного совета Фонда исторической перспективы**

Операция «Власов» продолжается: Власов и власовщина в глазах немецкого общества

В последнее время в России много говорят о генерале Андрее Власове и его так называемой «освободительной армии», но при этом часто из поля зрения выпадает одно очень важное обстоятельство.

Находясь в плену у немцев, основное внимание Власов уделял пропагандистской работе, а точнее — спецпропагандистской. Именно за это он получал жалованье в размере 1,5 тыс. рейхсмарок, что соответствовало пенсии отставного генерал-лейтенанта вермахта. Он подписывал подготовленные специалистами германской военной разведки листовки, прокламации и другие пропагандистские материалы, которые распространялись затем за линией фронта. И Гитлер, и Гиммлер неоднократно подчёркивали, что главной целью этой «работы» было ослабление боевого духа Советской Армии и Власов им нужен

только для этого.

Совершенно очевидно, что Власов был в нацистской Германии совершенно несамостоятельной фигурой и не мог гарантировать ничего из того, о чём писалось в распространяемых от его имени листовках. Это означает, что вся его пропагандистская деятельность строилась на обмане своих бывших товарищей по оружию. По сути дела, это было его вторым предательством.

После очередной поездки Власова на Восточный фронт Гитлер приказал его арестовать. Он считал, что в пропагандистских целях надо использовать имя Власова, но не его самого. Однако тому повезло, и приказ фюрера выполнен не был.

Пропагандистская команда Власова действовала иногда очень эффективно. Так, 20 апреля 1943 г.

на среднем участке Восточного фронта немцы начали операцию под названием «Серебряный дозор» (Unternehmen Silberstreif). Власовцы распространяли за линией фронта листовки, призывавшие советских солдат переходить на сторону Германии. Операция была успешной: в мае на сторону немцев перешли 2,5 тыс. человек, а в начале лета уже 6,5 тысячи. Руководитель разведывательного отдела Генштаба верховного командования сухопутных войск (Fremde Heere Ost) Райнхард Гелен приказал удвоить усилия в этом направлении и приставил к Власову своего человека, капитана Вильфрида Штрик-Штрикфельдта для соответствующего наблюдения и контроля.

Гиммлер был в восторге, что русского генерала удалось купить так легко. «Он получает хорошую еду, шнапс и женщин — это же страшно дешево», — сказал Гиммлер в одной из своих программных речей в начале октября 1943 года. Он имел в виду не только пропагандистскую деятельность самого Власова. Фактически рейхсфюрера СС радовало, что за 1,5 тыс. марок в месяц удалось получить целую ударную армию. Ему, конечно же, были известны обстоятельства, при которых Власов попал в плен (2-я армия в плен не сдавалась, а почти вся погибла в боях), тем не менее он намеренно подчеркнул, что именно из рук этого человека немцы «получили» 2-ю ударную армию.

Руководство Третьего рейха высоко оценивало Власова как пропагандиста, и не случайно его поселили на вилле в берлинском районе Далем, который почти не бомбили союзники по Антигитлеровской коалиции.

Непосредственным куратором Власова, как уже было сказано, был капитан В. Штрик-Штрикфельдт. Этот выходец из России и бывший офицер царской армии действовал под непосредственным контролем полковника Р. Гелена*.

В своей книге о Власове Штрик-Штрикфельдт нигде не говорит о том, что был главным специалистом по допросам. Совершенно очевидно, что Власов прошёл через многочисленные допросы и, конечно же, выдал немало военных и государственных тайн. Это также неотъемлемая часть его предательства. Косвенным образом это подтверждается высоким качеством информации, которую Гелен передавал своим начальникам. В верховном командовании сухопутных войск тогда говорили, что представленные Геленом на основе сбора информации карты ничем не отличаются от тех оперативных карт, которые лежат в кабинетах советского командования. Интересно, что Гитлер скептически относился к материалам Гелена и считал их «крупнейшим блефом со времён Чингисхана». (На оперативном совещании 9 января 1945 г. он назвал подготовленные Геленом материалы «полным идиотизмом» и предложил поместить их автора в сумасшедший дом.) Зато работу Гелена очень высоко оценивал генерал-полковник Гудериан,

который в 1944 г. был назначен начальником штаба сухопутных войск.

Постепенно разведывательный отдел Гелена, получившего в 1944 г. звание генерала, расширил сферу своей деятельности и уже не ограничивался сбором только военной информации. Его интересовали данные об экономике Советского Союза, географическом положении страны, транспортных и других инфраструктурных возможностях. Разумеется, в лучших прусских традициях весь этот громадный материал был занесён в картотеки и оформлен как образцовый архив.

Р. Гелен был уверен, что после окончания войны американцы, пусть и не сразу, но заинтересуются его архивом по военному и экономическому потенциалу СССР. Так оно и получилось. Уже летом 1945 г. американцы вывезли Гелена в Вашингтон, где долго допрашивали в здании Пентагона. Стоит отметить, что Гелен поставил американцам несколько условий, на которых был бы готов работать: он настаивал, чтобы создаваемая под его началом организация не использовалась против интересов Германии. Понятно, что сам Гелен предателем быть не хотел.

Генерал Р. Гелен не ошибся в своих расчётах: американцы достаточно быстро оценили собранные и систематизированные им сведения о Советском Союзе, а некоторые успешные операции решили продолжить.

Осенью 1950 г. известный немецкий писатель Юрген Торвальд, книги которого по истории криминалистики хорошо известны и в нашей стране, получил от бывшего главы разведывательного отдела Fremde Heere Ost германского Генштаба Райнхарда Гелена предложение написать книгу об армии Власова, а также о других советских «хиви» — так немцы презрительно называли советских коллаборационистов. Идея состояла в том, что на случай «горячей войны» («холодная» была уже в самом разгаре) следует иметь популярное пособие, рассказывающее о главном противнике — СССР.

Р. Гелен и его коллега Херре (тоже бывший генерал) пообещали Торвальду предоставить все имеющиеся в их распоряжении материалы и, кроме того, организовать интервью со всеми свидетелями, которых удастся найти. За этот труд было обещано немалое вознаграждение.

На время выполнения заказа Торвальда поселили в доме родителей Херре в Баварских Альпах. Сюда на интервью с ним привозили огромное количество бывших советских граждан, в том числе и из ГДР. В работе ему помогали, попеременно сменяя друг друга, два секретаря. Собранный материал составил несколько тысяч страниц. Часть впоследствии была передана в мюнхенский Институт современной истории. Говорят, что это был тот редкий случай, когда секретные службы внесли свой вклад в развитие исторической науки.

* Кстати, Г. Попов ошибается, когда говорит, что Гелен руководил работой военной контрразведки — абвера. Это ведомство находилось в подчинении Верховного командования вермахта.

Нельзя сказать, чтобы полученный результат полностью удовлетворил заказчиков. Собственно учебника о том, как подталкивать русских и представителей других народов СССР к предательству, не получилось. Однако получился живой рассказ о событиях, связанных с сотрудничеством генерала Власова с нацистами.

Чем руководствовался и какие цели преследовал Райнхард Гелен, делая это предложение молодому и популярному автору? Если бы нужно было только собрать и систематизировать материалы, имеющие отношение к истории Власова и его так называемой «освободительной армии», то не надо было публиковать их в виде книги, а достаточно просто передать американцам.

Очевидно, что в данном случае готовились не столько к «горячей войне» с Советским Союзом, сколько к очередной пропагандистской акции, в том числе и спецпропагандистской, так как американцы в то время не исключали возможности прямого военного нападения на Советский Союз, поэтому опыт общения с советскими гражданами мог бы им пригодиться.

Вместе с тем выбор популярного автора для реализации планов Гелена свидетельствует о том, что эта акция среди прочего была рассчитана и на обработку общественного мнения Германии. Рассказ о власовской «освободительной» армии отвлекал немцев от обсуждения преступлений, совершённых нацистами после нападения на Советский Союз. Ведь если так много русских были готовы воевать против Сталина, значит, эта война была «справедливой»: Германия защищала Европу и европейскую культуру от «варваров с востока» (кстати, так до сих пор в Германии считают многие).

В начале 1950-х гг. книга Торвальда о Власове под названием «Путь был» («Es gab einen Weg») была издана и в Соединённых Штатах. Это означает, что при непосредственном участии Гелена проводилась соответствующая обработка общественного мнения и в самих США. Книга Торвальда «Путь был» была переиздана в Германии в начале 1970-х гг., и это переиздание совпало с выходом на Западе работы Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Р. Гелен является «крёстным отцом» ещё одной книги о Власове. Именно он рекомендовал капитану В. Штрик-Штрикфельдту, служившему под его началом в Fremde Heere Ost, систематизировать все материалы, а также свои личные впечатления о Власове.

Некоторые исследователи на Западе считают, что Гелен переоценил возможности Власова и его «освободительной армии». Уже после войны он всё ещё думал, что с русскими можно воевать руками самих русских. Ему всё ещё казалось, что во время войны против Советской России этот шанс был упущен и в начале 50-х гг. всё это можно повторить уже с помощью американцев. На самом же деле Гелен относился к Власову очень прагматично и использовал его в первую очередь как важный источник информации.

Ещё один немецкий автор книги о Власове, Иоахим Хоффман, не служил ни в вермахте, ни в СС, но его непосредственным руководителем был полковник вермахта в отставке фон Гроте. Хоффман так и не объясняет, почему вдруг он перестал заниматься коллаборационистами-калмыками и переключился на РОА и Власова. Вероятнее всего, это произошло под влиянием фон Гроте.

Почти все эти книги изданы у нас в стране, и многие пользуются ими как источниками сведений о Власове, хотя написаны они немецкими разведчиками и пропагандистами с определёнными целями по указке генерала Гелена.

Конечно, немцам политически невыгодно вспоминать о том, что нацистская Германия вела против Советского Союза войну на уничтожение. При этом и в Германии, и у нас в стране постоянно говорят о том, что в РОА Власова состоял чуть ли не миллион человек. Это совершенно не соответствует действительности. Как известно, Власов получил от Гимmlера разрешение на формирование только двух дивизий, при этом более или менее полностью укомплектовать удалось только одну.

Когда мы говорим о Власове и его армии, то следует ещё раз напомнить о целях войны, которую нацистская Германия вела против Советского Союза. Руководство Третьего рейха планировало в кратчайший срок захватить территорию СССР до Урала. Оккупированные земли предполагалось подвергнуть «безжалостной германизации», т. е. физически уничтожить большую часть населения нашей страны. Рейхсфюрер СС Гимmlер постоянно подчёркивал, что германизацию следует понимать не как обучение немецкому языку и немецкой культуре, а как очистку завоёванных земель от «неполноценных народов» и заселение их чистокровными немцами.

Следует также напомнить, что война против Советского Союза была преступной: нацисты отказались от выполнения требования Гагской конвенции и руководствовались «Приказом о комиссарах» и другими распоряжениями, что позволяло на месте без суда и следствия «разбираться при помощи оружия» с советскими офицерами и солдатами, а также с гражданским населением.

Советские военнопленные содержались в концентрационных лагерях и лагерях для военнопленных в тяжелейших условиях. Не случайно к середине 1943 г. немцы успели уничтожить 3,3 млн. узников.

Что касается самого Гелена, то он, чтобы оправдаться в глазах американцев, пытался доказать, будто его ведомство (т. е. военная разведка Fremde Heere Ost) якобы не разделяло некоторых установок расистской теории и целей войны на Востоке, и для этого приводил в качестве аргумента отказ Гитлера использовать РОА и Власова.

Ещё одну книгу о Власове написал известный немецкий писатель Эрих Двингер. Он родился в 1898 г. в Киле в семье офицера (мать его была

русской по происхождению), участвовал в Первой мировой войне, попал в плен к «красным», смог бежать и оказался в армии Колчака. После её разгрома через Монголию вернулся в Германию и посвятил себя литературе, став очень популярным автором.

Особой известностью ещё до Второй мировой войны пользовались его книги о мытарствах в России, об ужасах Гражданской войны и гибели армии Колчака. Можно даже сказать, что мировую славу ему принесла именно книга о России «Между белыми и красными». Живописуя кошмар Гражданской войны, Двингер на забывал предупреждать своих немецких соотечественников о вечной угрозе с востока. За это его, разумеется, очень полюбили после 1933 г. новые вожди Германии. За свои заслуги перед нацистским отечеством Двингер даже получил пост имперского сенатора по культуре.

Нацисты считали Двингера специалистом по России. В 1935 г. он был удостоен премии имени большого друга и учителя Гитлера Дитриха Экарта и одновременно получил звание оберштурмбаннфюрера СС. Во время Второй мировой войны Двингер работал фронтовым корреспондентом и пользовался особым покровительством рейхсфюрера СС Гимmlера.

После нападения на СССР Двингер был прикомандирован в качестве офицера к штабу одной из танковых армий. В основном, правда, он занимался репортёрской работой, так как к строевой службе из-за полученного ещё в Первую мировую войну ранения не был полностью годен.

После серии поражений вермахта на Восточном фронте он стал бомбардировать некоторые влиятельные нацистские ведомства, имевшие отношение к формированию германской восточной политики (в том числе и Восточное министерство Розенберга), своими многочисленными докладными записками, в которых предлагал отказаться от тезиса о так называемом «недочеловеке» и более гибко подходить к формированию политики на оккупированных землях. Если верить Двингеру, то с одной из его докладных записок ознакомился генерал-фельдмаршал фон Браухич, который якобы затем собственноручно написал на полях свою резолюцию: «Вот рецепт победы».

Сказанное выше в какой-то мере объясняет, почему бывший оберштурмбаннфюрер СС Эрих Двингер после окончания войны написал свою книгу о Власове (в которой, однако, историческая правда часто соседствует с вымыслом). В ней он утверждает, что именно его обращение к генералу Гудериану радикальным образом изменило отношение Гимmlера к Власову и тот решил встретиться с русским военнопленным. В действительности же на Гимmlера, скорее всего, повлиял главный редактор эсэсовского издания «Чёрный корпус» Гюнтер Д'Алькен. Кроме того, не следует забывать, что в тот период (после покушения на Гитлера 20 июля 1943 г.) полномочия рейхсфюрера были расширены и он стал заниматься в том числе и формированием армейского резерва.

Кстати, Д'Алькен обратил внимание на Власова только потому, что, по его мнению, пропагандистские мероприятия с его участием будут наиболее эффективными. Поэтому он соответственным образом настроил своего шефа перед встречей с пленным генералом.

Гимmlер в своей программной речи перед руководителями СС, которую он произнёс в Позене 4 октября 1943 г., достаточно много внимания уделил Власову. При этом он в несколько завуалированной форме раскритиковал балтийских и русских немцев, многие из которых в то время были весьма критически настроены в отношении войны с СССР. Возможно, Гимmlер ссылаясь в своей речи и на Двингера, имея в виду немцев, у которых были русские матери.

В то время Гимmlеру было уже хорошо известно, что Власов к месту и не к месту пытается убедить всех, будто Россию могут победить только русские, а немцам это не удавалось никогда.

Из речи Гимmlера следует, что среди офицеров вермахта был широко распространён взгляд на Россию, который был характерен для балтийских и русских немцев. Он призвал самым активным образом с такими взглядами бороться. Гимmlер не верил, что Власов во главе 500 тыс. или даже 1 млн. солдат может отправиться на Восточный фронт и там «убивать для нас русских». Оказалось, что Власов, сам того не желая, занимался пропагандой в пользу Советского Союза, что вызывало дикое раздражение у руководства Третьего рейха.

Гимmlер объяснял своим подчинённым, что достаточно немного польстить, пообещать что-нибудь — и любой русский генерал уже у вас в руках! Именно на таком подходе к Власову настаивали и Гимmlер, и Гитлер.

«Господин Власов — и это меня не удивляет — подвизался на ниве пропаганды в самой Германии, — говорил Гимmlер, — и я должен сказать, что во многих случаях позволял себе даже высмеивать нас, немцев. Я усматриваю в этом большой вред. Мы можем вести пропаганду, направленную за границу, применять любые методы, какие нам понравятся... Годаются любые средства, которые предоставляют в наше распоряжение эти дикие народы и которые приводят к тому, что вместо немца на убой идёт русский. Все меры хороши, все приемлемы перед богом и людьми. Однако произошло нечто, чего мы не хотели: с наглостью, присущей русским, славянин господин Власов принялся рассказывать сказки. Он утверждал: «Германия не могла и не может завоевать Россию, завоевать Россию под силу только нам, русским». Данная позиция, господа, очень опасна... Утром, днём и вечером немецкий солдат должен молиться: «Мы превосходим любого врага в мире». Если русский — быть может, позавчерашний подмастерье мясника, а вчерашний генерал при Сталине — приходит к нам как перебежчик, приходит и со славянской самонадеянностью разглагольствует, а потом позволяет себе заявлять, что-де только русские могут за-

воевать Россию, у меня есть что возразить: этот тип уже одним только подобным заявлением доказывает, что он есть свинья...»

Встреча Власова и рейхсляйтера СС Гиммлера состоялась 16 сентября 1944 года. Власов представил план срочного формирования 10 пехотных дивизий, одной танковой дивизии, нескольких бригад резервистов, своего собственного авиационного полка и офицерской школы. Он, очевидно, думал не столько о том, как помочь Гитлеру на Восточном фронте, сколько о том, как стать полезным Вашингтону и Лондону после окончания Второй мировой войны. Альтернативным вариантом был для немцев Борис Смысловский, в подчинении которого уже находилось около 6 тыс. солдат и который называл себя командующим «Первой русской национальной армии». Находившиеся в Югославии Русский охранный корпус и генерал Краснов отказались от какого бы то ни было сотрудничества с Власовым.

Рейхсляйтер Гиммлер не изменил своего мнения о Власове и осенью 1944 года. Но изменилась ситуация, в том числе и на Восточном фронте. Гиммлер стал ответственным за формирование резерва вермахта, а принятая уже тогда руководством Третьего рейха концепция тотальной войны позволяла использовать практически любую возможность для ведения боевых действий против наступающей Красной армии.

К величайшему разочарованию Власова Гиммлер согласился на создание только двух дивизий под непосредственным контролем СС. В конце ноября 1944 г. Генеральный штаб сухопутных войск издал приказ о формировании в Мюнзингене (Вюртемберг) 600-й русской пехотной дивизии. Оно проходило на основе так называемой «бригады Каминского», «отличившейся» при подавлении восстания в Варшаве, и завершилось 10 февраля 1945 года. Вторая русская дивизия (650-я) состояла из военнопленных, вооружённых только ручным оружием. В первую дивизию РОА входило 20 тыс. человек, а ещё 30 тыс. — в другие подразделения. Противотанковые группы РОА были уже в апреле 1945 г. разоружены своими немецкими «товарищами по оружию».

Что касается Гелена, то он 1 июля 1944 г. написал докладную записку в штаб-квартиру фюрера, в которой подчеркнул эффективность пропагандистской работы Власова и предлагал объявить о создании

русского правительства под его руководством. Ознакомившись с этой запиской, Гитлер впал в бешенство: «Я никогда не допущу создания русской армии. Это фантом первого ранга». А через несколько месяцев фюрер вообще хотел распустить все формирования с участием «хиви», так как до него дошли слухи, что эти русские «помощники» при первом удобном случае перебегают к партизанам.

Тем не менее 28 января 1945 г. Власов был назначен «главнокомандующим русских войск», и РОА формально стала союзником гитлеровской Германии. Однако Гитлер оставался при своём мнении: «Власов — это ноль».

Власов часто говорил своим высокопоставленным собеседникам в Германии, что «Россию могут победить только русские». Скорее всего, он не знал, что эти слова принадлежат немецкому поэту и драматургу Шиллеру. Они взяты из его неоконченной исторической драмы, из той её части, в которой король Сигизмунд поучает Марину Мнишек: «Завоюй сердца этих людей, и тогда ты будешь править».

Власов не понял или умышленно извратил слова великого немецкого писателя. В отличие от него, генерал призывал к тому, чтобы одни русские убивали других русских для достижения определённых политических целей, в первую очередь целей руководства нацистской Германии. И не удивительно, что его планы не нашли отклика среди многих представителей русской эмиграции, которые будучи, казалось бы, неприимыми врагами советской власти уже в первые дни после нападения Германии на Советский Союз открыто выступили в поддержку справедливой борьбы советского народа против гитлеровской агрессии.

Хороший пример всем прибалтийским немцам из окружения Власова дал финский маршал Карл Маннергейм, который по неофициальным каналам проинформировал руководство Германии о том, что готовящийся сепаратный мир Финляндии с Советским Союзом есть прежде всего следствие разочарования «восточной политикой» Германии. Он заявил, что является патриотом Финляндии, но как бывший гвардейский офицер царской России связан тесными узами с русским народом и потому не может поддерживать проводимую Гитлером военную кампанию против этой страны.

Обращение это осталось без ответа...

Василик Владимир Владимирович, диакон, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских народов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Власовское движение и русская православная церковь

В годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь Московского патриархата заняла антифашистскую позицию. Устами местоблюстителя митрополита Сергия она, как известно, призвала

народ на борьбу с врагом с первого дня войны (ещё до известного обращения Сталина). В этом к ней присоединились и русские приходы Константинопольского патриархата, руководимые митрополитом Евлогием.

Гораздо сложнее было отношение к Великой Отечественной войне Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Некоторые её иерархи, в частности епископ Берлинский Серафим (Ляде), вначале поддержали немецкое вторжение. Однако, и это следует подчеркнуть, РПЦЗ не выработала единого общецерковного документа, благословляющего нацизм. И поддержка власовского движения была далеко не безусловной: митрополит Анастасий, например, уклонился от выступления на учредительном съезде Комитета освобождения народов России (КОНР) в 1944 г., а выступавший там протоиерей Александр Киселёв в дальнейшем не занимался пастырской работой во власовских войсках.

После войны членами приходов РПЦЗ стали многие бывшие власовцы, в связи с чем в ней и разрабатывался «власовский миф». Тем не менее говорить о безусловно провласовской позиции всех членов РПЦЗ нельзя.

В 1994 г. по решению Архиерейского собора Русской православной церкви Московского патриархата и по благословию приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II День Победы приобрёл подлинно церковное значение, став днём молитвы и памяти о воинах, на поле брани убиенных. Отношение Русской православной церкви Московского патриархата к Великой Отечественной войне и Дню Победы, казалось, всегда было однозначным, тем более что сотни священнослужителей, в том числе такие чтимые, как архимандрит Кирилл Павлов и другие, прошли через войну. Тем удивительнее, что в недрах Санкт-Петербургской духовной академии оказался «церковный власовец» (по его собственному выражению) — протоиерей, профессор Георгий Митрофанов. В своей книге «Трагедия России», равно как и в скандальных телевизионных выступлениях, он называет «государственным победобесием» святой для нас День Победы, ставший также церковным днём поминовения воинов, павших в Великой Отечественной войне. Предателей, сотрудничавших с фашистами, о. Георгий объявляет несостоявшимися героями России, а настоящих героев — в лучшем случае беспомощными жертвами, в худшем — «служителями зла».

Автор данной книги, по-видимому, не обладает серьёзной правовой культурой. Так, вызывает удивление, что казнь генерала А. А. Власова и его сподвижников он называет незаконной (см. с. 151), хотя во всех странах мира и во всех законодательствах добровольный переход офицера на сторону врага с оружием в руках до сих пор считается изменой и карается по всей строгости закона. Не только законодательство СССР, но и законы демократических европейских стран в 1946 г. предусматривали за подобное преступление смертную казнь. Позиция автора выглядит оправданной разве что с точки зрения юстиции Третьего рейха.

Несколько сложнее ситуация с казнью П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других, которые не являлись советскими гражданами. Их казнь протоиерей Георгий Митрофанов также называет незаконной (с. 141). Однако следует напомнить, что в соответствии с заключениями Главной военной прокуратуры об отказе в их реабилитации определениями Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 г. граждане Германии Краснов П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей Клыч, Краснов С. Н. и Доманов Т. И. признаны обоснованно осуждёнными и не подлежащими реабилитации. Нет особых оснований сомневаться в объективности этого вердикта, вынесенного в демократические времена, учитывая факт их сотрудничества с нацистами, принадлежности некоторых казачьих частей к СС (например, 15-го казачьего кавалерийского корпуса) и соучастия в карательных акциях против мирных жителей в Югославии и СССР.

Автор пишет об осознанном и покаянном выборе тех, кто пошёл воевать вместе с немцами против большевизма, правда, оговариваясь, что это делали не все (с. 147). Но рассмотрим, как «каялись» некоторые из тех, за кого генерал Власов взял на себя юридическую и моральную ответственность.

Одним из первых крупных формирований русских добровольцев была РОНА — Русская освободительная народная армия, созданная зимой 1941/1942 г., которой с 1942 г. командовал Б. Каминский. В июле 1944 г. бригада Каминского (10 тыс. человек) была официально включена в состав войск СС как «штурмовая бригада РОНА», а затем была переименована в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю русскую). В августе 1944 г. подразделения дивизии участвовали в подавлении Варшавского восстания. Известно, что творилось в то время: жителей выжигали огнёмётами прямо в их домах, раненых пристреливали, детей привязывали к танкам в качестве живых щитов... Но даже на этом фоне бригада Каминского отличилась особой жестокостью. После того как стало известно, что бойцы дивизии изнасиловали и убили двух немецких девушек, Каминский и его штаб были расстреляны немцами без суда и следствия. (Казнь состоялась 19 августа 1944 г., а позднее немцы объявили, что Каминский был убит польскими партизанами.) Оставшихся без командира каминцев включили в состав 1-й дивизии Русской освободительной армии (РОА).

Тот факт, что многие русские соединения действовали либо в составе СС, либо в составе особых разведывательно-диверсионных частей, чаще всего участвовавших в борьбе с партизанами, а точнее — в карательных акциях (среди них, например, дивизия «Р» под командованием Смысловского, бригада Боярского и др.), ставит крест на всякой попытке реабилитировать их членов и руководителей, в том числе и Власова, который, подчеркнём, взял на себя всю полноту юридической и моральной ответственности за их действия. Приведём лишь несколько

цитат из Пражского манифеста*: «Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма... Офицеры и солдаты освободительных войск! *Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая Цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе*». Особенно интересен следующий пассаж Пражского манифеста: «Освободительное движение народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено наличием растущих и организующихся вооружённых сил — Русской освободительной армии, Украинского вызвольного вийска, Казачьих войск и национальных частей». Тем самым Власов взял на себя ответственность и за деятельность украинских националистов, и за их зверства как на Украине, так и в Белоруссии, в том числе и за сотни сожжённых вместе с жителями и церквями деревень.

Временами возникают законные сомнения в компетентности о. Георгия. Так, он категорично утверждает: «Мы пытаемся сделать нашу страну чуть-чуть напоминающей ту историческую Россию, которую в 1917 г. не решились защитить люди, подобные генералу Власову и его сподвижникам, и во имя которой они пошли на смерть в годы Второй мировой войны». Создается впечатление, что автор не знает, как на самом деле Власов и его сподвижники относились к той исторической России, которую, по мысли автора, мы потеряли. А ведь в Пражском манифесте чёрным по белому написано: «Они восстали *против отжившего царского строя*, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги». И эта формулировка мало чем отличается от тех, которые записаны были в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

А вот, например, как Власов и его окружение относились к единству и неделимости России: «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность» (п. 1 Пражского манифеста). Чем это отличается от ленинского «права наций на самоопределение вплоть до отделения»?

Отец Георгий пытается представить Власова и поборником православия (с. 153–154). Однако в Пражском манифесте о религии (не о правосла-

вии!) вообще сказано всего одно слово среди перечня других демократических свобод: «Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати». Как видим, о Православной церкви — ни слова. Вопрос о предательстве генерала Власова с исторической и нравственной точек зрения очевиден. Он действительно изменил воинской присяге и предал Россию, чем нанёс вред именно ей, а не коммунистическому режиму или его вождям. Никаким сторонником царской России он по своей идеологии не был. Идеология РОА и КОНР была разработана в недрах абвера и пропагандистской машины вермахта. В случае победы этой идеологии русский народ (как и другие народы мира) попал бы под двойное иго — нацистов и бывших, но не изменившихся по духу коммунистов. В тяжёлый час крестного страдания России Власов перешёл на сторону её злейшего врага и стал служить одному из самых страшных режимов в истории человечества — оккультному фашистскому режиму Гитлера, проводившему политику расчленения нашей Родины и тотального уничтожения русского народа.

Взгляды протоиерея Георгия Митрофанова расходятся с отношением к Великой Отечественной войне со стороны Русской православной церкви Московского патриархата, с высказываниями как почившего, так и ныне здравствующего патриархов.

С нравственной точки зрения реабилитация Власова означает оправдание иудина греха и героизацию предательства, а также массовых нацистских репрессий на территории России. С политической точки зрения она означает угрозу раскола для Церкви и общества, а также осложнение церковно-государственных отношений, особенно в связи с созданием при Президенте РФ Комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб России. Если можно реабилитировать Власова, то почему нельзя — Бандеру и бандеровцев, убийц многих православных священнослужителей? Соответственно, получают своё оправдание латышские, эстонские и литовские части СС, к единению с которыми призывал генерал Власов.

Антиисторичным, аморальным и в чём-то даже кощунственным является следующее утверждение о. Георгия: «И так уж ли отличается смерть многих миллионов советских солдат на поле брани от смерти на виселице в Бутырской тюрьме руководителей власовского движения? И всё-таки отличается. Потому что в отличие от многих миллионов советских солдат, погибавших в иллюзии того, что спасение России вот-вот грядёт, они уходили на смерть с пониманием того, о чём написали впоследствии Георгий Иванов и Виктор Астафьев: прокляты и убиты». Да, действительно, смерть солдата на поле боя отличается от конца власовцев. Советские солдаты в массе своей воевали не с мирными жителями, а с реальным, коварным и жестоким врагом. Их зачастую предавали их

* Манифест освобождения народов России (Прага, 1944 г.).

военачальники, но всё же огромное их большинство не предавало никого, и умирали они за свободу своего Отечества, и если не за веру (хотя многие из них — и за неё, но это — отдельная тема), то за верность присяге, которую преступили Власов и его последователи. И нельзя отрицать, что погибали советские солдаты не за иллюзию, а за реальную жизнь русского народа, как и иных народов исторической России, ведь Гитлер планировал оставить на европейской части России лишь тридцать миллионов человек, а остальных либо переселить за Урал, либо истребить.

В настоящее время протоиерей Г. Митрофанов занимает ответственный пост заведующего церковно-историческим отделением Санкт-Петербургской духовной академии. Следует отметить, что свои взгляды он в полной мере обнаружил именно после своего назначения, развернув беспрецедентную пропагандистскую кампанию, приуроченную к такой святой для русского человека дате, как 22 июня — Дню памяти и скорби. Она продолжается и в контексте подготовки страны к 65-летию Победы — возможно, последнего юбилея, в котором смогут принять участие ветераны войны, истинные участники тех событий. Приходится констатировать и то, что под влиянием протоиерея Г. Митрофанова в Академию приходят такие одиозные преподаватели, как историк Кирилл Александров — неприкрытый апологет гене-

рала Власова, который 14 октября в Санкт-Петербурге уже вызвал скандал во время презентации в Доме писателей своей новой провласовской книги. Всё это может тяжелейшим образом сказаться на воспитании будущих пастырей, которые рискуют стать жертвами интеллектуальной агрессии «церковных власовцев» и нести своей пастве взгляды, способствующие расколу. Собственно, это уже происходит. В прошлом году в День Победы ветераны войны и блокадники были оскорблены провласовскими выступлениями ученика протоиерея Г. Митрофанова в Свято-Духовском центре Александро-Невской лавры.

Протоиерей Георгий Митрофанов является также настоятелем храма Петра и Павла при Университете педагогического мастерства, часть прихожан которого два года назад восстали против провласовских проповедей пастыря и потребовали его отставки. Наконец, стоит упомянуть скандал на ТВ 100 с участием эксперта Госдумы Б. А. Подоприторы, оскорблённого высказываниями о. Георгия.

Цепь этих скандалов вряд ли случайна, поскольку на поверхности находится связь о. Георгия Митрофанова и его сторонников с Народно-трудовым союзом (НТС) и «Посевом», жаждущими социальных потрясений. В случае если эта разрушительная деятельность не будет ограничена, последствия могут стать непредсказуемыми.

Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН

Попытка оправдать генерала Власова как общественное явление

В 2001 г. в Главную военную прокуратуру обратился представитель общественного движения «За веру и Отечество» с ходатайством о пересмотре приговора генералу А. А. Власову и его сподвижникам. Опубликована серия работ, в которых предпринимаются попытки оправдать его действия. Назову лишь наиболее известные: это книги К. М. Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова», «Армия генерала Власова, 1944–1945» и «Создание русской армии на стороне Гитлера...»; Г. Х. Попова «Вызываю дух генерала Власова»; протоиерея Г. Митрофанова «Трагедия России: „запретные“ темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике» и многие другие.

В сентябре 2009 г. Архиерейский синод Русской православной церкви за рубежом высказался в поддержку деятельности генерала Власова и книги о. Георгия Митрофанова. И сделано это было спустя несколько дней после того, как Патриарх Кирилл тактично отмежевался от попыток оправдать власовцев.

Судя по всему, мы имеем дело не только с мнением отдельных лиц, но и с апологией власовцев и Власова как общественно-идеологического явления в современной России и современном русском

православном мире. Поэтому представляется своевременным отреагировать на происходящее в рамках историко-теоретического анализа.

Главное видится в следующем: во время Великой Отечественной войны соотношение сил было таково, что победить могли только сталинистский Советский Союз или гитлеровская Германия. Было два гиганта: коммунистический СССР и нацистская Германия, а все остальные — вроде власовской армии или бандеровцев — располагали силёнками, только чтобы «укусить» СССР, но не одолеть ни его, ни Германию. И из этого следует исходить.

В Гражданскую войну адмирал А. В. Колчак и генерал А. И. Деникин имели шанс победить, пусть небольшой, но имели. И им стоило побороться за Россию. Причём победа Белого движения означала сохранение частной собственности, многопартийности и демократии без экстремистской РКП(б). Безусловно, не было бы ГУЛАГа, насильственной коллективизации и раскулачивания, раскрестьянивания и расказачивания, выселения целых народов и тому подобных преступлений против человечности.

Возможно, самой Второй мировой войны не было бы, поскольку могло сохраниться военное со-

трудничество с Францией, Великобританией и США как инструмент сдерживания Германии (т. е. то трудничество, которого так хотел Сталин, но в полной мере смог добиться только в 1944 г., когда был открыт второй фронт). Не разорвавшую союзнические договоры и не большевистскую Россию после Первой мировой войны не смогли бы отстранить от участия в мирных переговорах, и Великобритании, Франции и США было бы труднее навязать Германии те тяжёлые и унижительные условия мира, которые оказались позднее питательной почвой для восхождения к власти национал-социалистов во главе с Гитлером. Некоммунистическое руководство России не стало бы зачислять немецких социал-демократов в фашисты, как это сделал Сталин, чем сорвал их объединение немецкими коммунистами в народный фронт, который мог не допустить прихода фашистов к власти в результате выборов 1932 года. Некоммунистическому руководству России и в голову бы не пришло репрессировать командный состав собственной армии, и т. д., и т. п.

После Гражданской войны у антибольшевизма, сторонников великой исторической России, частной собственности и демократии появился подобный шанс лишь в 1991–1993 гг. К этому времени Россия переболела большевизмом, даже коммунисты перестали верить в коммунизм, и в ней победила Демократическая русская революция, а Октябрьская социалистическая потерпела историческое поражение.

Однако у Власова — каким бы он ни был — в 1942–1945 гг. не было никакого шанса. Не для того Гитлер напал на СССР, чтобы возродить историческую великую Россию. Да и кто из когда-либо нападавших на Россию делал это для её возрождения и процветания? Может быть, Батый, Наполеон или Вильгельм II? Не было, не могло быть и не будет такого — ни одного.

Даже союзники по Антанте (Великобритания, Франция и США) во время Гражданской войны вводили войска на нашу территорию не столько для того, чтобы помочь белым, сколько для того, чтобы расчленить Россию и захватить её природные богатства. А что касается Гитлера, то тот и не скрывал своих захватнических и расистских целей уже в «Майн кампф». Он открыто объявил славян низшей расой и решительно действовал в соответствии с этим.

Причём немцы разрешили создать «Русскую освободительную армию» генерала Власова лишь осенью 1944 г., а сформирована она была (две дивизии) в начале 1945 г. На что перед поражением Германии мог надеяться Власов? Лишь на антиисторическое развитие событий: Гитлер прозреет и обратит должное внимание на него, Власова, или будет убит в результате внутреннего заговора, после чего постгитлеровская Германия вместе с США и Великобританией выступит против коммунистического СССР. Однако Гитлер не мог перестать быть «гитлеровцем». Его Германия с каждым месяцем слабела и значительной

поддержки оказать власовцам не могла. А на пути объединения Запада и Германии против СССР стояли прежде всего колоссальная военно-экономическая мощь нашей страны и воля народа к полной и безоговорочной Победе, а также общественное мнение самого демократического Запада.

Что касается идеологии генерала Власова, то она изложена в его программных документах: в «Обращении Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам» (27 декабря 1942 г.), в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (3 марта 1943 г.) и в «Манифесте Комитета освобождения народов России» (14 ноября 1944 г.). В этих документах говорится, что во власовской России будет ликвидирован сталинский репрессивный режим, освобождены политические заключённые, восстановлены религиозные свободы, свобода слова, собраний и печати, распущены колхозы. Иными словами, Власов обещает провести демократические преобразования. Вот на эту удочку и попались его современные апологеты.

Только неадекватные политики, публицисты и историки способны поверить, что гитлеровская армия несла народам мира свободу и демократию. Власовцы воевали в её составе до 1945 г., т. е. до того момента, когда с согласия гитлеровцев провозгласили себя союзной Германии армией. Но на деле (а не для агитации и пропаганды) они и тогда продолжали оставаться под контролем Гитлера. Власовцы принесли присягу на верность Гитлеру до последней капли крови, на верность союзной гитлеровской Германии.

Хочет упомянуть ещё об одном важном идеологическом моменте. Во власовских документах говорится о передаче земли в частную собственность крестьянам, содержатся расплывчатые положения о предоставлении населению возможностей для частной экономической инициативы, о неприкосновенности частной трудовой собственности. Одновременно в тех же документах указывается, что во власовской России не будет капиталистов и эксплуататоров, ведь генерал Власов называл себя социалистом.

Общественный строй без капиталистов-эксплуататоров, но с крестьянской частной собственностью на землю — эта разновидность социализма вызывает ассоциацию с Польской Народной Республикой. Подобный социализм существовал в Польше лишь потому, что советским и польским ленинцам не удалось полностью подавить польский народ, особенно крестьянство.

Словом, Власов предлагал нечто искусственное и противоречивое, малоэффективное и временное. Но кто эту власовскую социалистическую модель должен был реализовывать? «Демократ и социалист» Гитлер, который даже сохранил колхозы на оккупированных немцами территориях: таким образом гитлеровцам, как и сталинистам, было удобнее править крестьянами и обдирать их. Наконец, намечавшееся

Власовым общество без капиталистов (с доминированием государственной собственности) обязательно стало бы недемократическим и репрессивным.

Полагаю, генерал не очень-то задумывался над теоретическими проблемами. Он был готов провозгласить что угодно в пропагандистских целях и ради своего успеха. При этом его пассажи часто раздражали немецких хозяев. Например, однажды на обеде он заявил, что будет так же принимать присутствующих в Ленинграде. Фашистам взять город на Неве не удавалось, а Власову без единой дивизии было море по колено. В конце концов немцы посадили разболтавшегося перебежчика под комфортный домашний арест, но затем освободили и даже закрывали глаза на его амурные подвиги с арийкой.

В плену Власов познакомился с высокопоставленными немецкими офицерами, которые были критически настроены по отношению к Гитлеру и вынашивали планы покушения на него. Возможно, именно таким немцам было легче склонить Власова на сторону Германии. Можно вспомнить и то, что при сталинском режиме тоже имела место отчаянная борьба за выживание, в частности в командном составе Красной армии. Ведь Сталин репрессировал 95% военачальников, от командиров полков и выше. И во всём этом соучаствовал сам Власов, являясь членом Ленинградского и Киевского военных трибуналов и командиром дивизии. Вот и довели его отчаянная борьба за выживание и обыкновенная гордыня до потери чувства реальности.

Сам Власов в 1946 г. на закрытом суде объяснил свой переход на сторону агрессора не какими-то высокими материями, а банальным малодушием. Решился ли он накануне казни сказать правду или боялся пыток? Или опять на что-то надеялся?

По правде говоря, был он незаурядным человеком. Начал с духовного образования (как и Сталин), командовал одной из самых боеспособных дивизий Красной армии, раненым вышел из окружения под Киевом, был принят Сталиным и направлен защищать столицу. Войска под его командованием освободили Волоколамск и Солнечногорск. Власов был награждён орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, его фотографию напечатала «Правда». (А между делом стройный и высокий генерал настаивал рога самому Чан Кайши...)

Можно ли назвать судьбу генерала Власова трагедией, вызывает ли он сочувствие и, соответственно, допустимо ли хоть какое-то оправдание его действий? Одно можно утверждать: трагедия была, но это была *русская трагедия!* Вызывает сочувствие судьба народов великой Российской империи и СССР! А генерал... что ж, кому много дано, с того много и спросится.

Мы не знаем, каков был приговор Суда Божьего. Но государственная измена, измена Родине — налицо. Причём в военное время, в самую страшную войну в истории России, когда поражение было смерти по-

добно. Станем оправдывать такую измену — рискуем остаться без государства как такового. И придут немцы, американцы или китайцы и будут нами владеть.

Одновременно нельзя не сказать о простом красноармейце, вчерашнем крестьянине, семью которого, родственников или друзей раскулачили всего несколько лет назад, в период коллективизации, а самого насильно загнали в бедный колхоз работать «на дядю». Его детей, родителей или друзей оставили умирать в голодные 1932–1933 гг. В 1939 г. этот колхозник узнал из коммунистической «Правды», что Вторую мировую войну начали Великобритания и Франция, а Германия — жертва их агрессии. Наконец, той же осенью из уст главы советского правительства он услышал, что бороться с нацизмом не надо! Однако этот человек всё-таки пошёл добровольцем в Красную армию, попал в окружение, погибал с голоду или был ранен — и оказался в плену. Оказался военнопленным низшей расы — для немцев, предателем и дезертиром — для Сталина и его подручных, которые «коллективизировали», раскулачивали, морили голодом и нагло обманывали. Как не запутаться простому крестьянину в солдатской шинели? Как не запутаться и не совсем простому красноармейцу?

Однако подавляющее большинство не запуталось, особенно после того, как стало известно о зверствах фашистов на оккупированных территориях. Ведь до этого помнили немцев по Первой мировой: они и тогда зверствовали, но не столь повсеместно и ужасающе. И когда народ почувствовал, с кем и за что воюет, началась Великая Отечественная война. И Сталин это понял. Не случайно он сказал американскому послу в Москве: «Вы думаете, они за меня воюют? Они воюют за Россию!»

В такой войне наша армия и народ стали непобедимы. И для власовцев или бандеровцев не осталось ни одного шанса захватить власть. В такой войне порядочные и неглупые антисталинисты и антикоммунисты воевали в Красной армии не потому, что она «красная», а потому, что она — за Россию!

Русским людям свойственны эмоциональность и максимализм, в нас обязательно в той или иной форме присутствуют всё те же «западничество» и «славянофильство». наших демократов заносит в такое западничество, которое равносильно отказу от суверенитета и независимости России. Говорю в первую очередь о статье Г. Х. Попова «Кризис и глобальные проблемы», опубликованной в «Московском комсомольце» 25 марта 2009 года. Здесь уже не оправдание давно казнённого генерала, а призыв передать под международный контроль наше ядерное оружие, наши нефть и газ, подчинить нашу страну мировому правительству... С другой стороны, домогренные патриоты и государственники зачастую доходят до оправдания сталинских репрессий, поскольку цель якобы оправдывает средства (говорю прежде всего об авторах школьных учебников по

истории А. В. Филиппове и А. А. Данилове). К этому же относятся и недавнее возведение памятников Сталину, открытие его музея, показ просталинского телесериала и сохранение коммунистической символики над Кремлём, на Красной площади, в названиях городов и улиц. Так, руководство Москвы стоит насмерть, отстаивая имя детоубийцы-большевика Войкова в названиях улиц и станции метро. В результате одна крайность усиливает другую, и от их взаимного стимулирования происходит «круговорот крайностей в России».

Хотелось бы сказать ещё об одном моменте, не принципиальном, но имеющем место быть.

Не так давно мне довелось беседовать с известным, интеллигентнейшим и прекрасно говорящим по-русски священником РПЦЗ. Был приятный разговор, наши взгляды совпадали и совпадали. .. пока не дошли до Власова. И вот тут этот милый священник вдруг заявляет: «А может, и неплохо было бы, если б немцы победили?» Этот образованный человек не мог не знать о планах нацистов, о соответствующих опубликованных документах. Значит, заявление его содержит внутренний грех лжесвидетельства. И многое становится ясно, если вспомнить, что отец этого священника был одним из власовских идеологов, а в РПЦЗ немало тех, кто сотрудничал с власовцами. Сотрудничала с власовцами и маленькая политическая

группа Народно-трудовой союз (НТС), лидером которого является доктор исторических наук А. Б. Зубов, а активным членом — упоминавшийся выше кандидат исторических наук К. М. Александров.

В своём докладе я упомянул действительно незаурядных людей: от одного из умнейших аналитиков страны на рубеже 80–90-х гг. прошлого века Г. Х. Попова до молодого К. М. Александрова. Да, на мой взгляд, они искажают историческую правду о Власове. Однако когда в мае этого года мне предложили составить список историков-фальсификаторов, я делать этого не стал, потому что такие игры с огнём в такой стране, как Россия, стоит только начать...

Но вернёмся в 2001 год. Тогда Военная коллегия Верховного суда РФ отказалась реабилитировать Власова и его сподвижников. При этом был отменён приговор 1946 г. в части осуждения по ст. 58 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду. В остальном судебный вердикт был оставлен без изменения. И решение Верховного суда представляется разумным не только с государственнической и юридической, но и с исторической точки зрения.

Наконец, о нравственном выборе. Вспомним пушкинскую «Капитанскую дочку»: можно не переходить на сторону разбойников, как капитан Миронов, а можно перейти, как Швабрин (и Власов). Каждому — своё.

Шишкин Игорь Сергеевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора Института стран СНГ

Власов — «третья сила»?

Информационно-пропагандистская кампания по пересмотру истории Второй мировой войны, в основу которой положен тезис о равной ответственности СССР и Германии за развязывание мировой войны, не снижает оборотов. Одним из её элементов является очередная попытка оправдать изменников Родины, с оружием в руках сражавшихся против Советской армии (власовцы, бандеровцы, прибалтийские эсэсовцы и т. п.). Хорошо спланированные *пиар-акции* вокруг книг Гавриила Попова и Георгия Митрофанова внедряют в общественное сознание мысль о том, что эти люди были вовсе не предателями, а некоей «третьей силой» в войне. Более того, их уже преподносят как истинных героев, которые сначала «боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов» (Подрабинек).

В связи с этим возникает вопрос: почему с такой маниакальной настойчивостью вновь и вновь крутят эту заезженную пластинку? Как относиться к новому витку кампании по реабилитации Власова и других изменников? Как к недостойным внимания выходкам маргиналов и отставных политиков, мечтающих через скандал привлечь к себе внимание? Но нельзя же закрывать глаза на то, что оправдание

и возвеличивание пособников Третьего рейха началось не сегодня, идёт не первый год и тесно связано с аналогичными процессами на всём постсоветском пространстве. К каким, отнюдь не безобидным, последствиям приводят эти «исторические изыскания», мы можем видеть на примере Украины и Прибалтики.

Необходимо учитывать и то, что героизация коллаборационизма происходит при молчаливой, но и нескрываемой поддержке стран Запада, а ведь во многих из них, кстати сказать, попытки ревизии истории Второй мировой войны (в их версии) уголовно наказуемы. Показательна история с принятием в 2008 г. на Генеральной Ассамблее ООН резолюции с весьма длинным и обтекаемым названием — «Недопустимость определённых видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», которая была предложена Россией и принята подавляющим большинством голосов. В этом документе, хотя и без упоминания Украины и прибалтийских республик, особо подчёркивалось, что возведение монументов, проведение шествий и других мероприятий в честь эсэсовцев оскверняют память жертв фашизма и являются абсолютно

несовместимыми с обязательствами государств — членов ООН. Примечательно, что США — наш союзник по Антигитлеровской коалиции — проголосовали против этой резолюции, а все члены ЕС, в том числе представители стран, сражавшихся с фашизмом, и государств, в которых малейший намек на симпатию к национал-социализму и Третьему рейху карается тюремными сроками, — воздержались.

Однако не связь пропаганды предательства с геополитическими интересами наших партнёров на Западе представляет для нас главную опасность. Архимандриту Тихону (Шевкунову) принадлежат очень точные слова: «Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». Следовательно, в противном случае — будущего нет.

Апология коллаборационизма — это не история, а «историческая политика», и никакого отношения к поискам исторической правды она не имеет. Идёт большая политическая игра, ставка в которой — именно будущее России и её народа, а не та или иная трактовка событий 70-летней давности. Меняя отношение к прошлому, мы меняем будущее. Причём это не теория, а хорошо известная нам практика. Историческое оружие уже доказало свою разрушительную силу в период развала СССР, и не стоит дважды наступать на одни и те же грабли.

Сколько существуют войны — столько существует проблема предательства и измены. Причины разнообразны: месть, жажда власти, деньги, страсть, трусость — всего не перечислишь. Причём изменники всегда находят оправдания и объяснения своему поступку (от душераздирающих до самых возвышенных), так уж устроена человеческая психика. Порой появляются и «доброхоты», призывающие понять предателей, войти в их положение. Но это — призывы понять и даже простить *преступление*, факт совершения которого не отрицается.

Попытки же оправдать Власова — совершенно особое дело. Г. Попов, Г. Митрофанов и иже с ними призывают нас не «понять и простить», а «понять и *признать*». Разница здесь принципиальная: отрицается сам факт преступления, изменник объявляется героем, его действия — подвигом, поступком истинного патриота, который принял трудное решение совместно с внешним врагом сражаться за свободу и счастье своего народа. То есть он знал, на что шёл, и готов был оказаться не понятым современниками, но интересы народа и государства поставил выше. При таком подходе не войны, стоявшие насмерть под Москвой, Сталинградом и Курском, бравшие Будапешт и Берлин, а власовцы, бандеровцы и прибалтийские эсэсовцы были подлинными героями войны, на подвигах которых должно воспитывать молодое поколение.

Обосновывается столь противоестественное превращение предателя в героя с помощью чрезвычайно эффективного психологического приёма,

достаточно по примеру Остапа Бендера спросить: «Был ли покойный нравственным человеком?» Этот вопрос Великого комбинатора можно сделать эпиграфом ко всем работам апологетов коллаборационизма, а по большому счёту и ко всей информационно-пропагандистской кампании по переписыванию истории Второй мировой войны. Относится вопрос, конечно же, к Сталину, и ответ, естественно, даётся отрицательный, причём с самых разных позиций в зависимости от целевой аудитории: у Г. Митрофанова — с позиции национально-православной (а у некоторых его сторонников — даже с открыто черносотенской); у Г. Попова — с либеральной. Результат, правда, один: оправданием предательства в обоих случаях служит жестокость сталинского режима.

Именно сталинские репрессии, «сталинизм» и «тоталитаризм» положены в фундамент пересмотра истории войны в целом и героизации пособников оккупантов в частности. Схема на удивление проста: Сталин — тиран, СССР — тоталитарная диктатура («сталинизм», коммунизм), а значит:

— война на Восточном фронте — это схватка двух тиранов, двух тоталитарных империй (тиран боролся с тираном, зло сражалось со злом);

— все поработанные народы, включая русский, оказались перед трудным выбором «меньшего зла», и никто сегодня не вправе осуждать тех, кто предпочёл Гитлера Сталину;

— нашлись и истинные герои, которые, не имея иллюзий о природе обоих режимов, предприняли отчаянную попытку стать «третьей силой» в войне, превратить их столкновение на территории России в гражданскую войну против «сталинизма» (Власов), а на окраинах — в войну национально-освободительную против «красной» империи (Бандера и ему подобные);

— память о патриотах, боровшихся за свободу, надо очистить от лжи советского агитпропа, чтобы благодарные потомки узнали подлинных героев той войны, которым они во многом обязаны своим демократическим настоящим.

Утрирую? Ничуть. В строгом соответствии с этой схемой Г. Митрофанов пишет о Гитлере и Сталине как о братьях-близнецах, о том, что победа любого из них означала «очередное поражение русского народа». В полном соответствии с этой схемой на *независимой* Украине и в Прибалтике ставят памятники Бандере, латышским и эстонским эсэсовцам, а президент-демократ Ющенко присваивает звание Героя Украины гауптштурмфюреру СС Шухевичу. В рамках этой же схемы Г. Попов объявляет генерала Власова предтечей новой демократической России и предлагает поставить ему и академику Сахарову памятник.

Схема оправдания коллаборационизма при всей её примитивности служит великолепным инструментом пропагандистского воздействия. Она позволяет поймать человека в ловушку силлогизма. То есть если

вы признаете сталинские репрессии единственным и главным «достижением» всего советского периода российской истории, то должны принять трактовку войны на Востоке как схватку тиранов, признать оправданным сопротивление «сталинизму» и «тоталитаризму». А если вы такую трактовку не принимаете, значит, оправдываете раскулачивание, расказачивание, репрессии 1937 г. и... далее по списку. В самом крайнем случае вас вынуждают согласиться с тем, что то время нельзя воспринимать исключительно в «чёрно-белых» тонах. Но расплывчатость в понимании подвига и предательства, добра и зла и есть первый шаг к признанию изменников героями. «Коготок увяз — всей птичке пропасть».

В рамках «бендеровского» подхода («Был ли покойный нравственным человеком?») эта схема безотказна — ей нечего противопоставить. Положение усугубляется ещё и тем, что она ложится на хорошо подготовленную почву. Кампания по разоблачению Сталина ведётся не первый год, в том числе на материале войны, и вольно или невольно даёт дополнительные козыри апологетам «власовщины». В результате, часть российского общества уже готова согласиться с изложенной выше схемой оправдания коллаборационизма, поскольку не воспринимает СССР с его ГУЛАГаами и колхозами как самодостаточную ценность, защита которой — не подлежащий обсуждению священный долг гражданина. Но вместе с тем для многих из этих людей Великая Отечественная война и Победа — величайшие события в истории народа, предмет национальной гордости. Стремление примирить здоровые, естественные чувства с навязанной схемой и являются причиной столь характерных для последнего времени попыток найти объяснение и оправдание «нелогичной» гордости за войну и столь же «нелогичного» презрения к предателям вне собственной страны.

Характерный пример — события, связанные с «Бронзовым солдатом». На волне героизации коллаборационистов как борцов с советской «империей зла» по инициативе президента Эстонии, открыто горящегося папой-эсэсовцем, в 2006 г. из центра Таллина был убран памятник воинам-освободителям. По России тогда прокатилась волна протестов. При этом основной упор в официальных документах, выступлениях политиков и общественных деятелей делался на то, что посягнули на память солдат, сражавшихся на стороне Антигитлеровской коалиции. В заявлении российского министерства иностранных дел так и говорилось: «Какой извращённой логикой надо обладать, чтобы считать вопиющий факт пренебрежения памятью воинов Антигитлеровской коалиции, погибших на фронтах Второй мировой войны, критерием авторитета страны?» На первый взгляд — блестящий ход, на который фальсификаторам истории нечего ответить. Однако на деле подобная логика ведёт в пропасть. Оказывается, память советских солдат можно и нужно защищать только

потому, что они были союзниками лидеров свободного мира. Соответственно, и воикам из РОА, «Галичины», прибалтийских дивизий СС нет оправдания потому, что они вместе с Гитлером сражались против союзника США и Великобритании.

Сразу возникает вопрос, а если бы не было Антигитлеровской коалиции? Если бы Гитлер, как его подталкивали в Мюнхене, сразу пошёл на СССР? Если бы Рузвельт, Сталин и Черчилль не смогли подняться выше личных антипатий, «измов» и совершить почти невозможное — создать и сохранить коалицию столь разных стран во имя общей Победы? Выходит, в этом случае переход на сторону Третьего рейха был бы оправдан?

Другим примером является реакция на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, приравнявшую сталинизм к нацизму. Она вызвала бурное возмущение, причём не только среди коммунистов, но и среди российских официальных лиц, которые прекрасно поняли, что, говоря о сталинизме, метят в Россию. Главный довод, который проходил красной нитью через все гневные заявления, заключался в том, что нацизм — это абсолютное зло, что решения Нюрнбергского трибунала никто не отменял, поэтому нельзя ставить на одну доску нацизмом и сталинизм и тем самым оправдывать фашистских пособников. Всё, вроде бы, логично, и фальсификаторы вновь должны быть повержены, поскольку не важно, какими были Сталин и СССР, важно какими были Гитлер и нацистская Германия. Однако за внешней убедительностью опять скрывается ловушка. Получается, что, если бы нацизм не был абсолютным злом, измена была бы оправдана. Напомню, в годы «холодной войны» СССР не раз находился на грани столкновения с блоком НАТО, объединяющим демократические государства и не считающимся «абсолютным злом». Значит ли это, что Пеньковского и прочих предателей периода «холодной войны» пора реабилитировать?

Более того, доводы об «абсолютном зле» ничего и не опровергают. Апологеты коллаборационизма в большинстве своём не отрицают преступлений нацизма, как и решений международного трибунала. Напротив, они предлагают провести «второй Нюрнберг» уже над коммунизмом. В результате мы опять попадаем в заколдованный круг дискуссий о «меньшем зле» и неизбежно признаем возможность ошибки при выборе между двумя тиранами. Как видим, цепляясь за внешние «подпорки», как за соломинку, пропаганду «власовщины» не остановишь. Скорее это помогает её распространению и облегчает её восприятие, т.е. делает нас невольными соучастниками этой кампании.

Не спасает ситуацию и апелляция к воинской присяге. Да, для подавляющего большинства наших граждан нарушение присяги до сих пор является тяжким преступлением, заслуживающим самой суровой кары. Однако как быть с гражданскими

изменниками? Ведь большинство солдат и офицеров дивизии «Галичина», прибалтийских дивизий СС, полицаев и осведомителей никогда не присягали на верность СССР, но при этом они были и есть предатели и изменники.

Казалось бы, «куда ни кинь — всюду клин». Человеку, не желающему признавать правоту Г. Митрофанова и Г. Попова, но попавшему в логический капкан Остапа Бендера, остаётся только одно — доказывать, что никаких репрессий и преступлений никогда не было и быть не могло. И уже появились призывы закрыть глаза на реальную историю, объявить, что всё происходившее было прекрасно и разумно, а кто с этим не согласится — тот скрытый или явный фальсификатор. Звучит «патриотично», но ничего, кроме внутреннего признания правоты поборников власовщины и неспособности им что-либо противопоставить, за этим нет. Кроме того, нельзя забывать, что ложь — это прекрасное оружие разрушения, но построить с её помощью ничего нельзя.

Получается, что любая попытка противодействия апологетам предательства не только бьёт мимо цели, но даже на руку фальсификаторам. Где же выход? Он есть, и он прост и сложен одновременно.

В первую очередь необходимо прекратить играть по чужим правилам. Логика адвокатов коллаборационизма неопровержима только до тех пор, пока мы соглашаемся вести дискуссию в рамках их абсолютно убогой, антинаучной, но эффективной в пропагандистском плане системы координат, сводящей глобальную проблематику мировой войны к борьбе личностей и политических систем.

Однако это только первый шаг, означающий лишь отказ от фактического соучастия и игры в поддавки. Схемам фальсификаторов должно противостоять принципиально иное видение истории, то видение, при котором все их «логичные» построения разбиваются как горох об стену и вызывают в обществе брезгливое отторжение. Обязательным условием обретения такого видения истории является нравственное, духовное оздоровление общества. Давайте не забывать, что «историческая политика» во всех её проявлениях у нас, на постсоветском пространстве и на Западе стала неизбежным результатом внутреннего, духовного кризиса России. Только общество, утратившее нравственные ориентиры, может вникать в доводы пропагандистов измены. Само согласие дискутировать на эту тему — уже диагноз.

На духовные корни попыток оправдать и героизировать предателей особо указал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, общаясь с жителями Архангельска. «Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, — сказал он, — и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен, поскольку „это был их выбор, они сво-

бодны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами“. Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: „Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!“ А им отвечают: „А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло“. Так постепенно размываются границы между добром и злом». Далее Патриарх подчеркнул: «Главная духовная трагедия переживаемого нами с вами исторического момента — утрачивается понятие нормы, нравственной нормы человеческого бытия, утрачивается понятие греха».

Третье, не по важности, а по порядку, условие состоит в том, что исторической лжи должна открыто и последовательно противопоставляться правда о войне. Нам, в отличие от апологетов измены, не нужно переписывать историю, фальсифицировать её смысл. Для нас Вторая мировая война — это Великая Отечественная. Война за существование (в прямом, физическом смысле слова) нашей страны и всех её народов без исключения. Противостоял же СССР не «изм» (нацизм, тоталитаризм), а управляемый нацистской партией Третий рейх, объединивший практически всю Европу во имя построения нового мирового порядка с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Германией. Победа в той войне означала жизнь для народов нашей страны, возможность свободного и независимого развития всех народов мира.

При таком единственном возможном и соответствующем исторической правде подходе в контексте войны оказываются бессмысленными все рассуждения о достоинствах и недостатках политических систем или политических лидеров, о «третьей силе» и т.п. Подобно тому, как бессмысленно в рамках истории Отечественной войны 1812 г. рассуждать о превосходстве капитализма над феодализмом или о том, сколько крепостных было у Раевского и Дохтурова. «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька».

При взгляде с этой точки зрения все логически неувязимые построения поповых и Митрофановых рассыпаются как карточный домик. Герои вновь становятся героями, а предатели — предателями. Показательно, что поборники переписывания истории войны, как чёрт от ладана, шарахаются от понятия «Великая Отечественная война», всюду исподволь стараясь подменить его на «Вторая мировая война». Зачем это нужно им — ясно, но нам-то это зачем?

Отказ от игры по чужим правилам, от игры в поддавки, нравственное оздоровление общества, восстановление моральных норм, понятия греха, возвращение к пониманию войны как Великой Отечественной — таковы обязательные условия противодействия попыткам использовать историю

самой великой войны и самой великой Победы для разрушения и разложения нравственного духа народа-победителя. Давайте не забывать, что в несоизмеримо более трудных условиях наши отцы и деды

отстояли страну и народ, водрузили Знамя Победы над Рейхстагом. И негоже их потомкам проигрывать войну информационную эсэсовским и власовским последышам.

**Вассоевич Андрей Леонидович, доктор философских наук,
кандидат исторических наук, руководитель Санкт-Петербургского центра РИСИ**

Социально-психологические последствия культа предательства на постсоветском пространстве

Со времён глубокой древности человеческое общество выработало два диаметрально противоположных отношения к родной стране. Одно, восходящее через Пакувия к Аристофану, пародировавшему известный стих Софокла, обрело всемирную известность в ироническом пересказе Марка Тулия Цицерона. Ведь именно у Цицерона в его «Тускуланских беседах» (V, 37, 108) было чётко сформулировано: *Patria est ubicumque est bene* — «Отечество везде, где нам хорошо». Эти-то слова и легли в основу известного латинского афоризма *Ubi bene, ibi patria* — «Где хорошо, там и отечество».

Вместе с тем древний мир знал и свершено иное отношение к Родине*, лучше всего выраженное Горацием: «Сладостно и почётно за родину умереть» (Оды, III, 2, 3).

Вся последующая история человечества, включая обстоятельства образования и распада СССР, даёт нам бесчисленное множество свидетельств, когда реализовывалось либо первое, либо второе отношение к Родине. В нашей стране после 1917 г. становление массового патриотического сознания происходило в мучительном противоборстве двух названных тенденций. Ведь ещё в позапрошлом веке тяжелейшие условия жизни рабочего класса в подавляющем большинстве европейских стран позволили авторам «Манифеста коммунистической партии» бесстрашно провозгласить: «Рабочие не имеют отечества». Логическим следствием такого радикального антипатриотического вывода, несомненно, стал итоговый призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В начале XX в. базовая идеологическая установка марксизма в сфере политической практики трансформировалась в известное ленинское высказывание: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома. И оспаривают её только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социалшовинистов». Позитивный социальный идеал молодого советского общества, родившегося в муках двух перетекавших друг в друга революций и в кровавой Гражданской войне, сводился к коммуноглобализму.

И идеал этот лучше всего был выражен В. В. Маяковским:

Мы живём.
зажатые
железной клятвой.
За неё —
на крест.
И пулю чешите:
Это —
чтобы в мире
без России,
без Латвии
Жить единым
человечьим
общезитьем.

Неудивительно, что даже в канун победы «сталинского термидора» «Большая советская энциклопедия» в статье «Космополитизм» провозглашала: «Для рабочего класса всех стран родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир».

Стоит ли удивляться тому, что вплоть до самых последних лет существования СССР подавляющее большинство отечественных газет продолжало выходить под уже потерявшим реальный смысл лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И в то же время лишь очень немногие современные издания, преимущественно военного характера («Красная звезда», «Советский патриот» и др.), использовали патриотический девиз «За нашу Советскую Родину!»

Типичная для марксистского мироощущения увязка чувства «любви к Родине» с характером «социально-экономических условий в стране проживания» неизбежно предопределяла тотальное крушение идеалов советского патриотизма. Если условия жизни в странах Западной Европы и США превосходили среднестатистический советский стандарт, то привязанность к СССР в рамках постепенно набирающего силу либерально-материалистического мышления становилась бессмысленной.

* Даже понимание того, что *et fumus patriae est dulcis* («И дым отечества сладок») в конечном счёте восходит к античности, к «Письмам Понта» Овидия (I, 3, 33).

Сегодня это мироощущение можно было бы выразить в виде краткой латинской формулы «Где плохо, там и чужбина».

Примечательно, что сходную мысль, хотя и куда более многословно, высказали в предпоследний год Второй мировой войны составители «Пражского манифеста»: «Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы [имелись в виду республики и народы СССР. — *Прим. авт.*], которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создавать на ней своё счастье». Далее в «Пражском манифесте» задавалось два риторических вопроса: «За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?» Ответ, как это ни парадоксально, был выдержан в традиционном марксистском духе: «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатков крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги».

Коль скоро великий прагматический принцип «Где хорошо, там и отечество» не смог реализоваться ни в России царской, ни в России советской, то, с точки зрения создателей «Пражского манифеста», нужно было, естественно, переходить на сторону Германии.

Впрочем, в самом Третьем рейхе для внутреннего употребления национал-социалистами культивировалась идеология прямо противоположная власовской: «Deutschland, du wirst leuchtend stehen, mogen wir auch untergehen» (Baldur von Schirach, 1933 г.). Или возьмем слова другой популярной песни:

So will ich wacker streiten
Bis an das blut'ge End.
Dap einst in femen Zeiten
Mein Deutschland Frieden fand.

Хочу сражаться храбро я
До страшного конца.
Чтоб мир Германия моя
Когда-нибудь нашла.

Здесь уместно напомнить, что у каждого офицера СС был кинжал с надписью «*Meine Ehre heißt Treue*» («Моя честь — верность») и в верности до гроба лично Адольфу Гитлеру клялся каждый член охранных отрядов Национал-социалистической германской рабочей партии. Как мы видим, национал-социалистическая идеология одной из высших арийских добродетелей считала верность.

Широкомасштабное оправдание всевозможного предательства начинается в нашей стране на исходе 80-х гг. прошлого века и связано оно с горбачёвской «перестройкой». Естественное желание неполных собственников (т. е. тех представителей партийно-хозяйственного актива, которые уже связали себя с «теневой» экономикой) стать собственниками полными требовало отречения от прежних идеалов социальной справедливости. Однако битва за овладение собственностью величайшей в мире страны предполагала не только разрушение всей административно-командной системы с последующим переходом к приватизации казённого имущества, но прежде всего уничтожения советской системы ценностей, которая тогда ещё имела значение для широких народных масс.

Политическая психология учит, что для вхождения общества в состояние идеологического кризиса необходимо равенство сил между противоборствующими идеалами и антиидеалами.

В результате все мероприятия взаимно блокируются, ничего не может быть реализовано, и общество оказывается в состоянии паралича. Именно такое положение наиболее благоприятно для последующего разрушения социальной системы.

Неудивительно, что к исходу XX в. в нашей стране ключевыми идеологическими фигурами становятся те, кто смог противопоставить прежним идеалам новые антиидеалы. В этом отношении весьма символично, что на всём постсоветском пространстве исключительную известность приобретает советский разведчик-перебежчик Резун (Суворов). Его «ледокольная» библиотека выходила в свет огромными тиражами, деморализуя обывателя, который терялся от таких оценок самого героического события отечественной истории и постепенно начинал путать агрессора с защищающейся стороной. Тем самым устанавливалось блокирующее равенство между «суворовским» антиидеалом и идеалами поколения победителей, объединившими все народы бывшего СССР.

Сегодня лишь знатокам нацистской истории очевидно, что важнейшие идеи Резуна (Суворова) заимствованы из речи Гитлера от 22 июля 1941 г. Обычный постсоветский обыватель, никогда не слушавший и не читавший нацистских речей, уже готов в равной мере

* Влияние марксистских идеологов при составлении «Пражского манифеста» отмечал ещё В. Штрик-Штрикфельд, который, в частности, писал: «Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естествен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может охранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами» (см.: *Штрик-Штрикфельд В. К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение* / авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. М.: Посев, 1993. 440 с).

возлагать ответственность за Вторую мировую войну и на сталинский СССР, и на гитлеровскую Германию. Ярким примером ретрансляции гитлеровских идей в современных российских условиях может служить и последняя книжка Г. Попова «Вызываю дух генерала Власова», где от имени давно повешенного говорится: «...Нам внизу было ясно — это подготовка удара по Румынии с целью захвата нефтяных месторождений. Это поставило бы Гитлера в самую жёсткую зависимость от Сталина и повлияло бы на делёж мира между этими двумя социалистами».

Сравним это утверждение с тем, что говорил вождь Третьего рейха в день нападения на нашу Родину: «Угрожающее нападение Советского Союза на Румынию имело также главной задачей захватить в свои руки главную базу не только германской, но и европейской хозяйственной жизни».

На протяжении нескольких лет после публикации первых книг Резуна (Суворова) общество, по сути, погрузилось в безмолвные раздумья. Запоздалые книги-опровержения не принесли должного психологического эффекта. Между тем для эмоционального сокрушения «ледокольной» теории «вынужденной агрессии» достаточно было бы обратиться к сборнику песен гитлерюгенда «Uns geht die Sonne nicht unter», изданному ещё в 1936 г., или ввести в массовое сознание хотя бы одну из популярных немецких песен 1930-х гг.:

Du, kleiner Tambur, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinnein!
Der Bolschewik soil unsre Krafte sptiren!
Am Wege wilde Rossen bltihn, ja bltihn
Wenn Hitlerleut' nach Rußland ziehn.

Ты, юный барабанщик, бей!
Мы на Москву идти желаем,
Войти в Москву хотим скорей —
Пусть силу нашу большевик узнает.
Попутно розы расцветут, да, расцветут,
Коль люди Гитлера на Русь пойдут.

Ещё раз подчеркнём, что эта песня стала широко использоваться для воспитания гитлеровской молодёжи за 5 лет до нападения Германии на нашу страну.

Публикации в 2007 и 2008 гг. коллективных монографий «Правда Виктора Суворова» и «Правда Виктора Суворова-2» свидетельствуют о том, что заинтересованность в поддержании «суворовского» антиидеала на постсоветском пространстве сохраняется до сих пор. При этом сама фигура перебежчика и сегодня недостаточно масштабна для его превращения в подлинного антигероя. Здесь препятствием является и достаточно скромное воинское звание бывшего ГРУшника, и неприязнительность его устной речи по сравнению с публикуемыми за его подписью письменными текстами. Естественно, что в услови-

ях не прекращающейся на всём постсоветском пространстве информационно-психологической войны встал вопрос и об историческом персонаже, который мог бы противостоять маршалу Победы Г. К. Жукову в качестве блокирующего антиидеала.

И таковым в год 65-летия разгрома гитлеровской Германии был избран перешедший на сторону нацистов генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901–1946). И как тут сразу же не вспомнить антижуковские строки из нашумевшей книги священника Георгия Митрофанова «Трагедия России. „Запретные темы“ истории XX века»: «...Не изменивший своей присяге унтер Г. К. Жуков и не недоучившийся семинарист И. В. Сталин, а другой недоучившийся семинарист — А. А. Власов в годы войны, по существу, предпринял реальные и достаточно быстрые шаги, направленные на то, чтобы вернуть русскому воину память о Христе». (С этими словами можно было бы и согласиться, если трактовать их в том смысле, что всякое воспоминание о христопродавце Иуде возвращает нас к памяти о самом Иисусе Христе.)

Для людей иудина склада предпочтительность измены по сравнению с верностью лишь косвенно связана с психическими ориентациями на самосохранение и приобретение («И он, бросив серебряники в храм, удалился; и ушёл и повесился». От Матфея, 27, 3). Многочисленные факты бескорыстного предательства собственной Родины известны контрразведчикам всех стран мира.

В этой связи особо зловещее значение приобретает проповедь власовщины с церковного амвона, ибо она есть проповедь иудина греха.

Склонность к предательству в большинстве случаев относится к иррациональным человеческим влечениям, которые осмысливаются обычно уже задним числом. «Предал ли Хрущёв Сталина? — «мудро» вопрошает в своей книге «Вызываю дух генерала Власова» Г. Х. Попов. — Предательством или патриотизмом была расправа Хрущёва над Будапештом? Предательством или патриотизмом была передача Хрущёвым Мао Цзедуну списков всех наших агентов в Китае? А война Брежнева в Афганистане? А подавление им же Праги? А брошенные Горбачёвым постсоветские лидеры и десятки тысяч функционеров в странах Восточной Европы без малейших попыток защитить их — хотя бы предоставлением советского гражданства? Предали или нет Ельцин и все мы свою партию, войдя в Межрегиональную депутатскую группу?» Все эти не лишённые глубины риторические вопросы задаются Г. Х. Поповым лишь с одной целью — чтобы под конец своей книги по отношению к изменнику Власову торжественно провозгласить: «И Вы — настоящий патриот. Вы боролись за выход из социализма».

Ну как тут не увидеть в писаниях бывшего коммуниста из Межрегиональной депутатской группы лишь вывернутые наизнанку заветные ленинские мысли о поражении своего правительства

в империалистической войне: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству».

Вот тут-то мы и подходим к самой серьёзной проблеме, связанной с современной апологетикой коллаборационизма. Это проблема экспорта «цветных» революций на постсоветском пространстве. Подобно тому как в XX в. для организации социалистических революций жизненно необходимы были профессиональные революционеры, так и для удачного экспорта «померанцевых», «бархатных» и прочих революций необходимы коллаборационисты, способные к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными посольствами и спецслужбами.

Мировой финансово-экономический кризис, если он будет вызван к жизни вторично, может больно ударить по всему постсоветскому пространству. И его естественным спутником станет «обострение выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов» — вожденная примета приближающейся революционной ситуации. Вот тут-то и потребуются новые лидеры масс, воспитанные на примере генерал-лейтенанта А. А. Власова в духе «конструктивного коллаборационизма» с зарубежными партнёрами.

¹ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1998.

² Гитлер А. Речь 22 июня 1941 года / Волшебная гора. Т. П. М. : Пилигрим, 1994.

³ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне. П.с.с. Т. 25. М., 1973.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009.

⁵ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М. : Международн. ун-т в Москве, 2008.

⁶ Ciceronis M. Tullii. Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhemii. Cura et Sumptibus Societatis litteratae. 1787. p. 288.